

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н. В. Зиновьева

**ПРОЗА МЛАДОЭМИГРАНТОВ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ЧИСЛА»**

Учебное пособие

Южно-Сахалинск
СахГУ
2021

УДК 821.0(075.8)
ББК 83.3(2=411.2)6я73
3635

СОДЕРЖАНИЕ

*Печатается по решению учебно-методического совета
Сахалинского государственного университета, 2020 г.*

Рецензенты:

Гринько Л. Н., руководитель АНО ДО «Центр саморазвития
"Страна Сов", кандидат филологических наук;
Шумилова Т. Е., кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
ИФИиВ СахГУ.

3635 Зиновьева, Н. В. Проза младоэмигрантов на страницах журнала «Числа» : учебное пособие / Н. В. Зиновьева. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2021. – 96 с. ISBN 978-5-88811-622-7

Данное учебное пособие посвящено особенностям прозаических произведений на страницах литературно-художественного сборника «Числа», выходявшего в Париже начала 1930-х гг. На страницах журнала печатались такие представители «литературной молодежи» русской эмиграции, как Б. Поплавский, Г. Газданов, М. Агеев и др.

Предназначено для студентов и аспирантов филологических специальностей, изучающих литературу русского зарубежья первой волны. Будет интересно широкому кругу лиц, интересующихся историей русской литературы XX века.

УДК 821.0(075.8)
ББК 83.3(2=411.2)6я73

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. Журнал «Числа» как издание русского зарубежья	9
2. Общие особенности прозы журнала «Числа».....	18
3. Образы главных героев в прозе журнала «Числа»	26
4. Картина мира в прозе журнала «Числа».....	35
5. Тема любви в прозе «Чисел»: проблема соотношения личного и общественного	44
6. Тема смерти в прозе «Чисел»: многообразие трактовок.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	74
ПРИЛОЖЕНИЯ	76
ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ (КРАТКИЙ ОБЗОР)	88

ISBN 978-5-88811-622-7

© Зиновьева Н. В., 2021
© Сахалинский государственный
университет, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Литература русской эмиграции XX века – явление сложное, многоплановое, как и сама русская эмиграция. Она породила целую плеяду философов, публицистов, деятелей искусства, считавших себя истинно русскими – избранными хранить то, что, по их мнению, утратила Россия советская. Важнейшую роль в сохранении культурного единства русской эмиграции сыграли созданные писателями-эмигрантами литературные произведения, в которых отразился трагический опыт изгнания.

Уже традиционным стало разделение русской эмиграции на три больших потока – волны: первую, вызванную политическими событиями в России начала XX века (рубеж 1910–1920-х годов); вторую, связанную со Второй мировой войной (1940-е годы); и третью – «послеоттепельную» (конец 1960-х – начало 1980-х годов). В связи с этим делится на волны и литература русской эмиграции.

Значимым фактором для первой волны русской эмиграции становится также разделение на литературные поколения: старшее и младшее (так называемые младоэмигранты). Если первые успели состояться как писатели еще в России и продолжали развивать свои эстетические установки, во многом связанные с модернизмом Серебряного века, то вторые начали свою активную творческую деятельность уже в эмиграции.

Однако такое разделение к некоторым литераторам оказывается неприменимо, в связи с чем выделяется еще и третье – так называемое «промежуточное», или среднее, литературное поколение¹. Это авторы, которые начали писать еще в России, но полного расцвета своего таланта достигли уже за рубежом. Сюда можно отнести Г. Адамовича, Г. Иванова, Н. Оцупа, В. Ходасевича, К. Мочульского и др.

¹ См. о третьем поколении, например: Чагин, А. И. *Литература в изгнании: спор поколений* / А. Чагин // *Литературное зарубежье: национальная литература – две или одна?* – Вып. II. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 220–221.

В идейно-духовном плане особенным стало положение молодых литераторов, очутившихся на перекрестке культур. Плохо помня «утраченную Россию», младоэмигранты, вместе с тем, не могли и не хотели полностью влиться в западноевропейскую культурную жизнь. Они оказались «всем чужими», и отсюда берут начало философские и религиозные поиски смысла жизни и своего места в ней.

Однако в СССР литература русского зарубежья практически не была известна. Официальное советское литературоведение не признавало возможность полноценного существования литературы, не следовавшей канонам социалистического реализма.

В качестве примера можно привести характерную цитату из вышедшей в 1988 году книги А. Беляева «Идеологическая борьба и литература. Критический анализ американской советологии». О старшем поколении писателей-эмигрантов в этой книге говорится следующее:

«В победе революционного народа эти “услужавшие”, или, по выражению А. Блока, “прихлебатели буржуазной сволочи”, увидели прежде всего угрозу собственному благополучию и закономерно разделили судьбу свергнутого эксплуататорского класса, ибо декадентствующая часть литераторов всегда боялась народа, считая его “чернью”, не способной понимать и развивать национальную культуру (Гиппиус, Мережковский, Аверченко, М. Арцыбашев, Амфитеатров, Алданов, Ходасевич, Бальмонт, Чириков...)»².

И далее: «...писатель, оторвавшийся от народа и от Родины, теряет источник своего творчества и губит свой талант. Судьбы писателей, эмигрировавших из революционной России, убедительное тому свидетельство»³.

В таких условиях у советского читателя никак не могло сложиться объективное впечатление о литературе русского

² Беляев, А. А. *Идеологическая борьба и литература. Критический анализ американской советологии* / А. А. Беляев. – М.: Художественная литература, 1988. – С. 49–50.

³ Там же. – С. 59.

зарубежья как о целостном и уникальном явлении в истории мировой культуры.

Что же касается младшего литературного поколения первой волны эмиграции, то о его существовании в Советском Союзе знали буквально единицы. О младоэмигрантах в официальной литературе если и говорилось, то лишь с целью подчеркнуть, что и они разделили судьбу старшего поколения – «засохли», оторвавшись от родных корней, и полностью или частично денационализировались⁴.

Художественные произведения малоизвестных или совсем неизвестных отечественному читателю авторов-эмигрантов начали издаваться в России только после распада СССР. Тогда же начинают появляться отечественные исследования, посвященные русскому зарубежью, издаются литературные воспоминания эмигрантов первой волны.

В связи с возросшим интересом к литературе русского зарубежья различными научными учреждениями проводятся конференции, посвященные этой проблеме, издаются сборники научных статей по материалам конференций. Именно в этот период в отечественной научной среде появляется интерес к творчеству писателей-эмигрантов молодого поколения, хотя и на сегодняшний момент цельных и глубоких исследований о младоэмигрантах сравнительно мало.

Складывается достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны, в научной среде присутствует интерес к литературе русского зарубежья как к явлению в целом, вышло достаточно большое число учебников по этому предмету, в учебные планы подготовки филологов и учителей литературы неизменно входят курсы по литературе русского зарубежья. Никто уже не отказывает ей в праве считаться частью русской литературы.

С другой стороны, проза и поэзия младоэмигрантов первой волны до сих пор остается малоизученной. Можно сказать, что младоэмигрантская литература недостаточно рассмотрена как целостное явление, как органичная часть того большого,

глобального явления, которое мы зовем литературой русского зарубежья. Практически все существующие сегодня научные труды на эту тему предназначены, во-первых, для узкого круга ученых-литературоведов и критиков, а, во-вторых, посвящены, прежде всего, нескольким наиболее известным в России младоэмигрантам: Владимиру Набокову (Сирину), Гайто Газданову, Борису Поплавскому.

При этом широкой аудитории остаются практически неизвестными имена Елены Бакуниной, Александра Алферова, Александра Гингера, Лазаря Кельберина, Александра Букова, Владимира Варшавского, Михаила Горлина, Сергея Горного, Игоря Демидова, Лазаря Кельберина, Антонина Ладинского, Ричарда Пикельного, Валентина Самсонова, Бронислава Сосинского, Николая Татищева, Сергея Шаршуна, Юрия Фельзена и других представителей молодого поколения русской зарубежной литературы.

Неудивительно, хотя и печально, что в одном из современных учебников литературы для вузов о младоэмигрантах говорится только следующее:

«Среди поколения Набокова было несколько интересных имен – Г. Газданов, И. Зуров, Б. Поплавский, Ю. Фельзен. Поэзия у этого поколения преобладала над прозой»⁵.

Практически неизвестен в современной России и выходивший в Париже журнал «Числа», оставшийся в памяти эмигрантов прежде всего как печатный орган младшего литературного поколения первой волны, как издание, имевшее свою оригинальную позицию в вопросах как эстетики, так и литературной политики.

В данном учебном пособии приведен анализ прозаических произведений молодого поколения писателей-эмигрантов первой волны в журнале «Числа». Творчество младоэмигрантов показано в единстве их идейно-эстетической позиции,

⁴ См. например: Любимов, Л. Д. *На чужбине* / Л. Д. Любимов. – Ташкент: Узбекистан, 1965. – С. 169–191.

⁵ *Русская литература XX века: учеб. пособие для студ. высш. пед. уч. заведений: в 2 т.* – Т. 1: 1920–1930-е годы / Л. П. Кременцов, Л. Ф. Алексеева, Т. М. Колядич [и др.]; под ред. Л. П. Кременцова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: изд. центр «Академия», 2003. – С. 194.

религиозно-философских взглядов и художественной практики.

Положения и выводы, содержащиеся в данном учебном пособии, могут представлять интерес не только для студентов, но и для широкого круга лиц, интересующихся литературой и духовной жизнью русского зарубежья.

1. ЖУРНАЛ «ЧИСЛА» КАК ИЗДАНИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Периодические издания на русском языке, выходившие в центрах эмигрантского рассеяния, играли важную роль в сохранении культурного единства русской эмиграции. Одной из существенных особенностей печати русского зарубежья было и то, что в ней много места отводилось литературным изданиям: по данным, приводимым Г. Жирковым, они занимали около 25 процентов от общего числа периодических изданий⁶.

Существование «толстых» литературных журналов в русском зарубежье было обусловлено тем, что в эмиграции оказалось значительное число русских интеллигентов. По данным, которые приводит М. Раев, «...примерно две трети взрослых эмигрантов имели среднее образование, почти все – начальное, каждый седьмой – университетский диплом. Среди них было также больше квалифицированных специалистов, представителей науки, интеллигенции, зажиточных слоев городского населения... И так же, как и на родине до 1917 года, эти слои, в особенности специалисты и интеллектуальная элита, играли весьма заметную и активную роль в Русском Зарубежье»⁷. Ему вторит В. Крейд, утверждая, что «...образовательный уровень русской эмиграции, если посмотреть на нее, как на отдельную нацию, был самым высоким в мире»⁸.

Поскольку за рубежом оказалось много интеллигентных, образованных людей, испытывавших острую потребность в чтении

⁶ Жирков, Г. В. Основные журналы русского зарубежья : учеб. пособие / Г. В. Жирков // Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков / под ред. Г. В. Жиркова. – СПб : изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 177.

⁷ Раев, М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. И. Раев. – М. : Прогресс-Академия, 1994. – С. 41.

⁸ Крейд, В. Мемуары о литературном зарубежье / В. Крейд // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М. : Республика, 1994. – С. 6.

русской литературы, обсуждении насущных вопросов культуры и политики, преобладание именно журнальной периодики, в которой публиковались и художественные произведения писателей-эмигрантов, и публицистические статьи, и критические отзывы, в русском зарубежье можно назвать явлением вполне закономерным. По словам Г. Жиркова, в эмиграции «журнал был прибежищем интеллигенции»⁹.

Какие же из журналов русского зарубежья пользовались наибольшей популярностью? На этот вопрос как сами эмигранты, так и исследователи русской зарубежной литературы и журналистики дают разнообразные ответы¹⁰. В числе наиболее известных и значимых европейских журналов русского зарубежья 1920–30-х годов следует прежде всего назвать «Современные записки» (Париж, 1920–1940), затем «Грядущую Россию» (Париж, 1920), «Русскую мысль» (София – Прага – Париж, 1921–1927) и непосредственно предмет нашего исследования – журнал «Числа».

Литературный журнал русской эмиграции «Числа» выходил в Париже с 1931 по 1934 год. Издание всецело отвечало формату «толстого» литературного журнала по своему внешнему виду и содержанию. В нем были представлены художественные произведения различных жанров, литературно-критические статьи, рецензии, новости о событиях культурной жизни.

Планировалось, что «Числа» будут выходить четыре раза в год, но эта заявленная периодичность не соблюдалась, в первую

⁹ Жирков, Г. В. Основные журналы русского зарубежья / Г. В. Жирков // *Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков : учеб. пособие / под ред. Г. В. Жиркова.* – СПб. : изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 176.

¹⁰ См. об этом: Адамович, Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру / Г. Адамович. – Париж : Imprimerie de Navarre, 1961. – С. 19 ; Жирков, Г. В. Основные журналы русского зарубежья / Г. В. Жирков // *Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков : учеб. пособие / под ред. Г. В. Жиркова.* – СПб. : изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 230 ; Летаева, Н. В. Молодая эмигрантская литература 1930-х годов : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Н. В. Летаева. – М., 2003. – С. 12 ; *Литература русского зарубежья, 1920–1940 / отв. ред. О. Н. Михайлов.* – Вып. 1. – М. : Наследие ; Наука, 1993. – С. 33.

очередь, из-за материальных трудностей. В течение 1930-го года вышли первый, второй-третий (сдвоенный) и четвертый номера журнала, в июне 1931-го – появился пятый номер, в июне 1932-го – шестой, в январе 1933-го – седьмой-восьмой (сдвоенный), в мае 1933-го – девятый, в июне 1934-го – последний, десятый, номер.

«Числа», по замыслу создателей, должны были приносить доход за счет своих иллюстративных приложений и таким образом избежать судьбы других литературных журналов русского зарубежья, которые существовали совсем недолго.

Издателем «Чисел» первоначально значился французский журнал «Cahiers de l'Étoile» («Записки звезды»). Автор и соредактор «Чисел» Ирма Владимировна де Манциарли входила также в редакционный коллектив «Cahiers de l'Étoile». Первые четыре номера редактировались совместно И. В. де Манциарли и Н. А. Оцупом. После выхода четвертого номера «Чисел» И. В. де Манциарли ушла из редакции. Журнал «Cahiers de l'Étoile» вскоре перестал существовать. «Числа» существовали благодаря энтузиазму сотрудников и немалому организаторскому таланту его теперь уже единственного редактора Н. А. Оцупа.

Николай Авдеевич (Авдиевич) Оцуп (1894–1958), брат писателя Г. А. Раевского, был одним из поэтов так называемой петербургской школы, близкой акмеизму. В 1920 году он совместно с Н. Гумилевым, М. Лозинским и Г. Ивановым стал одним из основателей «Нового цеха поэтов» в Петербурге. В России Н. Оцуп успел издать только один поэтический сборник «Град» (1921 год); в 1922 году поэт эмигрировал – первоначально в Берлин, затем переехал в Париж. К 1930 году, когда появились «Числа», Н. Оцуп был уже автором двух выпущенных в эмиграции книг – сборника «В дыму» (1926 год) и поэмы «Встреча» (1928 год)¹¹.

Несмотря на свое тяжелое материальное положение, «Числа» обращали на себя внимание необычным для эмиграции оформлением. Сборники печатались на дорогой бумаге, с большим количеством иллюстраций – как помещенных в тексте

¹¹ О личности Н. Оцупа более подробно см.: Еремина, Л. Рыцарь культуры / Л. Еремина // *Лит. обозрение.* – 1996. – № 2. – С. 8–10.

фотографий, так и репродукций, напечатанных на отдельных листах (иногда даже цветных). Из-за такого оформления «Числа» заслужили сравнение с дореволюционным журналом «Аполлон», выходившим в Санкт-Петербурге и игравшим значительную роль в период Серебряного века русской литературы.

Г. Федотов пишет, что «...когда вышла первая книжка “Чисел” в широких кругах читателей смотрели на новый журнал, как на воскресший “Аполлон”. В этом убеждали и имена многих авторов, связанных с петербургским акмеизмом, и внимание, уделяемое вопросам искусства, прекрасные иллюстрации и совершенство типографской техники. Казалось, что новое предприятие рождается под знаком Кузьмина и Гумилева»¹².

Впрочем, далее Г. Федотов говорит о том, что в области содержания «дитя акмеизма» отсеклось от своего «отца»: «Перед нами не акмеисты, не Аполлон, не Парнасс, а нечто совершенно иное; может быть, прямо противоположное»¹³.

Действительно, с самого начала своего существования «Числа» вызвали критическое удивление из-за контраста между «аристократическим» типографским обликом и утилитарно-религиозной литературно-эстетической позицией журнала, утверждавшей простоту формы литературного произведения, необходимость выражения в искусстве вечных тем, религиозно-философской проблематики. Критику журнала вызвали также провозглашенный в нем отказ от политики, натурализм многих публикаций, заостренное внимание к теме смерти.

«Числа» стали первым периодическим изданием эмиграции, в котором сотрудничали преимущественно литераторы, начавшие свою творческую деятельность уже в эмиграции. Некоторые из молодых сотрудников (Елена Бакунина, Борис Буткевич, Владимир Варшавский, Гайто Газданов, Александр Гингер, Антонин Ладинский, Ирина Одоевцева, Борис Поплавский, Владимир Яновский) уже печатались, но были и те, кто опубликовал свои произведения впервые.

¹² Федотов, Г. О смерти, культуре и «Числах» / Г. Федотов // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 143.

¹³ Там же.

«Числа» открыли для читателей имена Александра Алферова, Николая Татищева, загадочного М. Агеева (псевдоним Марка Леви). Многие из авторов, известных ранее своей поэзией, – Е. Бакунина, А. Гингер, А. Ладинский, Б. Поплавский, Г. Раевский, начали публиковать в «Числах» и свою прозу.

В «Числах» печатались не только молодые русские «парижане»: некоторые из авторов журнала жили в Германии (М. Горлин, Р. Блох), в Прибалтике (Н. Белоцветов, Ю. Иваск, И. Чиннов), на Дальнем Востоке (Н. Щеголев).

При этом в создании журнала не принимал участия практически никто из известных писателей старшего поколения, за исключением Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус; печатались проза Алексея Ремизова, стихотворения Игоря Северянина и Марины Цветаевой. Для литературного журнала русской эмиграции, выходившего в Париже 1930-х годов, практически полное отсутствие на его страницах имен известных старших писателей нехарактерно. Ведь Париж был тогда «столицей Зарубежной России», причем, прежде всего, России интеллектуальной, переняв этот почетный титул у Берлина.

Представители среднего поколения – Георгий Адамович, Георгий Иванов, Николай Оцуп – стали теми, кто сумел в «Числах» сплотить вокруг себя и младоэмигрантов, и представителей старшего поколения. По свидетельству В. С. Варшавского, общее «направление журнала определяли петербургские поэты...»¹⁴.

Взаимоотношения молодых с литераторами среднего поколения были принципиально иными, чем со старшими. О старших В. Яновский безапелляционно писал: «Куприн, Шмелев, Зайцев. Они мне ничего не дали, и я им ничем не обязан...»¹⁵. Средние же часто выступали в роли наставников, с их стороны было очевидно внимание к творчеству молодых, стремление помочь творчески состояться, самореализоваться.

Среди периодических изданий русского зарубежья начала

¹⁴ Варшавский, В. С. Незамеченное поколение / В. С. Варшавский. – Нью-Йорк: изд-во имени Чехова, 1956. – С. 178.

¹⁵ Яновский, В. С. Поля Елисейские: Книга памяти / В. С. Яновский. – Нью-Йорк: Серебряный век, 1983. – С. 194.

1930-х годов «Числа» явно выделялись как по форме, так и по содержанию. На страницах журнала нашлось место и поэзии, и художественной прозе, и литературно-философским статьям, и рецензиям, и выступлениям в «отделе свободной трибуны», и новостям литературной жизни, и анкетам. «Числа» были посвящены преимущественно литературе, но определенное внимание на страницах журнала уделялось и другим родам искусства – музыке, живописи, скульптуре, театру, кино.

«Числа» были изначально ориентированы на дискуссионность публикуемых материалов; редакцией было сформулировано только общее направление журнала – внимание к религиозно-философским вопросам и вечным темам человеческого бытия. Никаких явных литературных норм и правил не существовало; свобода мысли и возможность творческого эксперимента привлекали в журнал молодых авторов.

Во всех литературно-критических отделах журнала молодые эмигранты участвовали наравне с представителями других литературных поколений. Отсутствие каких-либо догм и предписаний во внутрижурнальной жизни, свобода эстетико-литературной мысли определяли специфический творческий «дух «Чисел»». Именно в связи с этим Б. Поплавский сказал, что ««Числа» есть... атмосфера безграничной свободы»¹⁶.

Основной задачей искусства теории «Чисел» считали выражение истины, абсолютного, некоей «последней глубины», «самого главного». Принцип стремления к истине в искусстве напрямую соотносился с религиозно-философскими исканиями авторов «Чисел». Его так или иначе поддерживали все теории журнала, вне зависимости от их принадлежности к тому или иному литературному поколению.

Что же понимается авторами «Чисел» под истиной? Предметом их статей становится не просто стремление к правдивости в изображении духовного мира человека. Истина выступает здесь как метафизическое понятие, тесно связанное с религиозной мыслью, как нечто, приближенное к Абсолюту, противостоящее

тьме и пустоте. Истина «числовцев» наполняет жизнь полнотой, возможностью прикоснуться к трансцендентному, к «центру бытия», высшей реальности. В контексте таких рассуждений литературный талант как умение противопоставлялся возможности прикоснуться к истине. Идеалом писателя Б. Поплавский провозглашает Д. Джойса. Именно его произведения, по мнению молодого автора, максимально воплощают реальную жизнь.

Таким образом, провозглашаемая авторами «Чисел» «простота» повествования не имеет ничего общего с реалистической простотой отражения жизни, скорее, это ориентация на современную им западноевропейскую литературу. Сами теории журнала противостоят сближению своего творчества как с акмеизмом, так и социалистическим реализмом. Советская теория социального заказа противопоставляется авторами «Чисел» пониманию искусства как способа постижения истины.

В таком контексте конкретно-утилитарная цель искусства существовать не может; единственным его предназначением утверждается максимально полное познание личности и путем него приближение к Абсолюту, к согласованию с ницшеанским «духом музыки». Несмотря на некоторые противоречия, которые, разумеется, и должны были существовать во взглядах сотрудников, принадлежащих к различным литературным поколениям русского зарубежья, можно говорить об определенной литературно-эстетической концепции «Чисел».

Она неразрывно связана с философскими и (в меньшей степени) религиозными исканиями сотрудников журнала. Для теоретических работ на страницах журнала характерны провозглашение стремления к истинности отображения (прежде всего, духовной жизни человека) в художественном творчестве, обоснование категорий смерти и жалости как основных в современном искусстве, демонстративный отказ от «политики» на страницах журнала и вместе с тем превозношение искусства не как самоцели.

Сторонниками теории «чистого искусства» авторов «Чисел» назвать нельзя. Хотя многие молодые и утверждали, что литературный текст не обязательно нуждается в прочтении, но искусство в их понимании несет свои особые задачи. Оно превращается в эстетике «числовцев» в средство самопознания автора-творца, преодоления пропасти между человеком и миром, прикосновения к запредельному, трансцендентному.

¹⁶ Поплавский, Б. Вокруг «Чисел» / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1933. – № 10. – С. 209.

Литература:

1. Агеносов, В. В. История литературы русского зарубежья. Первая волна : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. – М. : изд-во «Юрайт», 2019. – 365 с.
2. Адамович, Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру / Г. Адамович. – Париж : Imprimerie de Navarre, 1961. – 20 с.
3. Варшавский, В. С. Незамеченное поколение / В. С. Варшавский. – Нью-Йорк : изд-во имени Чехова, 1956. – 387 с.
4. Еремина, Л. Рыцарь культуры / Л. Еремина // Лит. обозрение. – 1996. – № 2. – С. 8–10.
5. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков : учеб. пособие / под ред. Г. В. Жиркова. – СПб. : изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003. – 320 с.
6. Летаева, Н. В. Молодая эмигрантская литература 1930-х годов : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Летаева. – М., 2003. – 180 с.
7. Матвеева, Ю. В. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века : учеб.-метод. пособие / Ю. В. Матвеева. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2017. – 92 с.
8. Раев, М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939 / М. И. Раев. – М. : Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.
9. Яновский, В. С. Поля Елисейские: Книга памяти / В. С. Яновский. – Нью-Йорк : Серебряный век, 1983. – 312 с.

Контрольные вопросы:

1. Чем обусловлено преобладание в эмиграции журнальной периодики?
2. Какое место занимали литературные журналы среди всех периодических изданий русского зарубежья?
3. Какие из журналов русского зарубежья пользовались наибольшей популярностью?
4. В какие годы выходил литературный сборник русской эмиграции «Числа»?
5. Сколько номеров журнала «Числа» вышло?
6. Какой журнал первоначально значился издателем «Чисел»?
7. Кто был бессменным редактором журнала «Числа»? Как его характеризовали современники?

8. Что необычного присутствовало в оформлении «Чисел»?
9. Какие литературные поколения были представлены в журнале «Числа»?
10. Охарактеризуйте литературно-эстетическую концепцию журнала. Можно ли назвать авторов «Чисел» сторонниками теории «чистого искусства»?

2. ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ ЖУРНАЛА «ЧИСЛА»

Авторами прозы в «Числах» стали преимущественно младоэмигранты. Из 55 прозаических произведений, опубликованных в журнале, всего шесть принадлежат перу авторов других литературных поколений.

Объем журнала не позволял публиковать большие произведения. Как правило, авторы ограничивались рассказами или небольшими повестями. Крупные произведения романного типа – «Была земля» А. Бурова, «Аполлон Безобразов» Б. Поплавского, «Письма о Лермонтове» Ю. Фельзена, «Долголиков» С. Шаршуна, публиковались с продолжениями в нескольких номерах.

С теоретической установкой авторов журнала на стремление к истине во многом связано желание максимально достоверно воспроизвести внутреннюю жизнь персонажей, их «движения души», в том числе с помощью экспериментов с формой, типом повествования.

Здесь, скорее всего, наблюдается влияние иностранных авторов, прежде всего, Д. Джойса («Улисс») и М. Пруста («По направлению к Свану»). Об этом воздействии неоднократно упоминается как в теоретических разделах журнала, так и собственно в художественной прозе. Так, герой «Писем о Лермонтове» Ю. Фельзена утверждает:

«...я в самые трезвые свои минуты считаю, что если было какое-нибудь чудо, нам известное, это, конечно, Пруст, чем-то уже затмившей Толстого и Достоевского, непревзойденная удача... может быть, единственная гордость нашего времени...

От этого долгого «романа с Прустом» я незаметно вовлекся во французскую литературу и, с нею сжившись, сбросивши с себя... стеснительную «кожу однонародности», я хотел бы прибавить ко многим обязанностям заграничных русских также и обязанность в России «привить» французов и Пруста...»¹⁷.

¹⁷ Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 83–84.

Для творчества М. Пруста и Дж. Джойса характерен такой тип повествования, как поток сознания, призванный наиболее адекватно передать не внешнюю, но внутреннюю, психическую реальность. Одними из первых русских авторов, воспринявшими и творчески переосмыслившими этот прием, стали авторы «Чисел». Интересно, что к повествованию в форме потока сознания прибегали не только младоэмигранты. Так, Г. Адамович в своем рассказе «Рамон Ортис» передает внутренний монолог героя перед совершением им самоубийства:

«...и все совершенно ясно, надежды нет, и это нельзя больше выдержать, к черту, больше не могу, пальмы под нависшими тропическими грозными тучами, Анна, ангел, прощай, о, не все ли равно, теперь или потом, только поскорей, и никто уже не узнает, когда, где, никто не вспомнит, о, не все ли равно, только бы до рассвета»¹⁸.

Одним из наиболее характерных примеров использования потока сознания в «Числах» можно назвать отрывок из «Долголикова» С. Шаршуна под названием «Избиение младенцев». Риторические восклицания героя по, казалось бы, крайне незначительному поводу – он увидел в витрине магазина телячью голову – сменяются монологом, обращенным к мертвому теленку:

«Чудовищным, хаотическим, пьяным, сумасшедшим букетом – выброшенных в оркестр языков смерти (смерди, тленья) запахов, переливающихся рвотной, заразной, тлетворной радугой переходов от пепелящего пламени огненного вина, многоуханно тающего меда, терпкого шоколада, сахарных гранат, бананов и винограда, зелено-жилых сыров, колющего сельтерской водой, скипидара, усыпляющим бархатом разложения и ледяным мигреньштифтом: заклинаешь на пожранье себя, твоих матери и отца и всего твоего несчастного рода»¹⁹.

Вместо логически выстроенного авторского повествования

¹⁸ Адамович, Г. Рамон Ортис / Г. Адамович // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 41.

¹⁹ Шаршун, С. Долголиков / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 188.

мы видим динамичную картину психической деятельности человека, лишенную смысловой и синтаксической упорядоченности, непосредственную смену мыслей и чувств, непредвиденные скачки ассоциаций. Предметом отображения – предельно искреннего – в данном случае становится не окружающий мир, а субъективное впечатление героя от него. Мы видим мир его глазами, и телячья голова предстает не обычным продуктом питания, а чем-то запредельно ужасным, связанным со смертью.

Еще один образец нетрадиционной формы повествования, представляющей собой оригинальную попытку передать авторское видение мира, дает Б. Поплавский в своем «Бале». Достаточно реалистическое описание бала в конце повествования превращается в нечто нереальное, фантасмагорическое. Финал «Бала» – это попытка синтеза всех трех родов литературы. Он несет черты как эпоса, так и лирики, а композиционно выстроен как драматическое произведение: реплики героев перемежаются авторскими ремарками.

При этом перед нами скорее опера, чем обычная драма: герои объясняются стихами (легко переходящими в прозу и обратно), постоянно звучит некая потусторонняя музыка – уже не реальная музыка бала, но, скорее, та, слияние с которой в поэтическом мире образов Б. Поплавского обозначает блаженную смерть. Тереза зовется не только Верой и Ингрид, но и Сольвейг – аллюзия уже не только на Ибсена, но и на «Пер Гюнта» Грига:

«Ингрид, о чем смеешься ты? Ты танцевала со всеми и всех целовала. О Ингрид, что значит такое веселье. Не то ли, что скоро нам будет как прежде, в снегу без надежды, во тьме без любви.

О Сольвейг! Ты к узкой и слабой груди прижимала случайного друга, что вьюга отнимет, что минет как вьюга. О Ингрид! О Сольвейг! О Вера, Тереза, Весна.

Голос из музыки: О! Ингрид, чему веселишься ты? Или солнце взошло, как в новой церкви, где еще пахнет краской. А там за стеною, Ингрид, что там за стеною.

Вера: Сумрак бежит от очей. Мчится сиянье свечей. Все нежно, все неизбежно. Смейся, пустыня лучей. Песок кружится, несутся снег и тень ложится на краткий век. Кто там говорит на балконе... Цветы уходят в свои лучи... Нам не нужно ни счастья, ни веры.

Голос из музыки, слабая: Ингрид, Ингрид, где мир Твой, где свет Твой?»²⁰.

Влияние западноевропейской литературы 1930-х годов однозначно сказалось и на грубом натурализме (так называемом «физиологизме»), присущем прозе журнала «Числа». Ее авторы преодолели деликатное отношение русской классики к отображению интимной сферы любовных отношений. При этом натурализм прозы связан не столько со стремлением эпатировать читателя, сколько с желанием передать жизнь во всей ее полноте, с установкой на «правду факта».

О естественности половых желаний и их праве на отражение в литературе наравне с другими физиологическими потребностями говорят герои прозы М. Агеева, Е. Бакуниной, А. Бурова, В. Варшавского, А. Гингера, М. Горлина, С. Шаршуна, В. Яновского.

Так, герой «Вечера на вокзале» А. Гингера откровенно заявляет:

«Надо сказать, что любовь началась (как, впрочем, и следует) с интимных отношений»²¹.

Мыслями о том, что половая жизнь – неотъемлемая часть человеческого бытия и что она необязательно должна присутствовать только в браке, занята и Агда – героиня рассказа М. Горлина «Нервы». Ей противны попытки родителей выгодно сосватать ее. Агда рассуждает следующим образом:

«...человека можно только узнать, живя с ним некоторое время. Она вспомнила, что в какой-то стране прежде, чем окончательно пожениться, делается проба совместной жизни. Надо было бы завести этот обычай и у нас. Если бы отцу сказать про это»²².

Показательно, что отец героини, представитель старшего

²⁰ Поплавский, Б. Бал / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 147.

²¹ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 79.

²² Горлин, М. Нервы / М. Горлин // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 131.

поколения, выступает как носитель другой – традиционной – нравственности, для которого интимная жизнь женщины вне брака представляется чем-то аморальным и неприемлемым:

«И Агда увидела разгоряченное лицо, глаза блестящие возмущением:

– Безнравственность, разгул, выдумка, удобная только развратным людям!

О, как противна и пошла была ей его мораль!»²³.

Схожие мысли о свободе половых отношений мы можем увидеть и в рассуждениях героини «Шторма» Е. Бакуниной, юной Марианны:

«Почему это весь девичий путь всегда уставлен женихами! Почему Бек не может любить ее как удобно и брать то, что она готова ему отдать, но только не выходя замуж»²⁴.

Точно так же откровенно повествуется в «Числах» и о других физиологических явлениях:

«Со свистом и гиком, принялись городские за тяжелую, сложную работу вылавливания проституток – на пятнистых простынях, изъеденными гноем, мужскими членами, распятыми матерей»²⁵.

«...и вдруг схваченный неотложной нуждой бегу к борту, зажимая рот рукою, из-под которой струйками брызжет рвота. И я блюю, содрогаясь, как будто выбрасываю из себя всю прошлую свою жизнь. Но Аполлон Безобразов хватает меня за плечо, не дает мне насладиться, и я, оторванный, остаток доблеваю ему на белые брюки»²⁶.

«Кто-то плакал пьяными слезами и внимательно мочеиспускал прямо на палубу, широко расставив ноги»²⁷.

²³ Горлин, М. *Нервы* / М. Горлин // *Числа*. – Париж, 1934. – № 10. – С. 131.

²⁴ Бакунина, Е. *Шторм* / Е. Бакунина // *Числа*. – Париж, 1934. – № 10. – С. 92.

²⁵ Яновский, В. С. *Тринадцатые* / В. С. Яновский // *Числа*. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 140–141.

²⁶ Поплавский, Б. *Аполлон Безобразов (главы из романа)* / Б. Поплавский // *Числа*. – Париж, 1931. – № 5. – С. 99.

²⁷ Поплавский, Б. *Аполлон Безобразов (главы из романа)* / Б. Поплавский // *Числа*. – Париж, 1931. – № 5. – С. 101.

«Меня возмущали набухавшие груди, требовавшие сосанья, и я себе казалась похожей на какое-то крупное отелившееся или оценившееся животное»²⁸.

«Лицо у нее было зеленое. Приступ неудержимой тошноты подступал к горлу, но холодные брызги осыпали лицо и ей становилось легче. Вскоре, однако, все содержимое ее желудка с мучительной спазмой хлынуло у нее из горла, свербя в носу»²⁹.

«...мне становится дурно, чьи-то заботливые холодные руки вводят меня в ватерклозет и держат мою голову в то время, как я содрогаясь блюю с хриплым стоном, затем материнские руки эти, расстегнув мне ворот, деловито мочат под краном и, чистого и бледного, как проснувшегося эпилептика, снова вводят в круг»³⁰.

Само человеческое тело описывается во всех его физиологических проявлениях и реалиях. Так, во «введении в роман» «Тело» Е. Бакуниной героиня – женщина интеллигентная и духовная – описана с физиологической стороны:

«Мыть и убирать свое тело я должна погодить и выносить его до этого пыльным и потным. Женское тело не приспособлено для тяжелой работы. Жирное, с открытой полостью, оно грязнится от физических усилий»³¹.

В «Рассказе медика» В. Яновского человеческое тело представлено перед глазами студента-медика, участвующего во вскрытии, так же как нечто отвратительное, уродливое и болезненное:

«Мы хищно взрезали легкие...

Мы мяли сердечный мешок, кололи почки, отделяли печень.

От синеватых перстов кишок поднимался парной запах непроваренной пищи»³².

²⁸ Бакунина, Е. *Тело (введение в роман)* / Е. Бакунина // *Числа*. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 38.

²⁹ Алферов, А. *Море* / А. Алферов // *Числа*. – Париж, 1934. – № 10. – С. 86.

³⁰ Поплавский, Б. *Бал* / Б. Поплавский // *Числа*. – Париж, 1934. – № 10. – С. 146.

³¹ Бакунина, Е. *Тело (введение в роман)* / Е. Бакунина // *Числа*. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 49.

³² Яновский, В. *Рассказ медика* / В. Яновский // *Числа*. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 151.

При этом низкое, физиологическое в прозе «Чисел» соединяется с высоким, порой не очень органично:

«Милый, милый Париж! И вдруг я вспомнил один писсуар, который в розоватом сумраке весеннего заката так красиво горел зеленоватым огнем на углу бульвара Пастер под пышно ядовитой зеленью каштанов, и сердце перевернулось в моей груди»³³.

«Во мне и вокруг носились обрывки музыки, под конец сложившейся в строфы стихотворения, которое я тогда же записал, покинув на минуту свое место и укрывшись в ближайший уличный ватерклозет»³⁴.

Мы видим, что натуралистические сцены в прозе «Чисел» соседствуют с описаниями устремленности тех же персонажей в трансцендентные пределы, к абсолютным началам.

Литература:

1. Барковская, Н. В. Литература русского зарубежья (Первая волна) : учеб. пособие / Н. В. Барковская. – Екатеринбург : изд-во АМБ, 2001 – 155 с.
2. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий : учеб. пособие для студ., аспирант., преподав.-филол. / В. В. Заманская. – М. : Флинта, 2002. – 304 с.
3. Казак, В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / В. Казак ; пер. с нем. Елены Варгафтик и Игоря Бурихина. – Лондон : Overseas publications interchange Ltd., 1988. – 922 с.
4. Каспэ, И. Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы / И. Каспэ. – М. : НЛО, 2005. – 320 с.
5. Ковалевский, П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П. Е. Ковалевский. – Париж : Librairie des cinq continents, 1971. – 347 с.

³³ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 95.

³⁴ Татищев, Н. Кривой / Н. Татищев // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 158.

6. Коссак, Е. Экзистенциализм в философии и литературе / Е. Коссак ; пер. с польск. – М. : Политиздат, 1980. – 360 с.

7. Менегальдо, Е. Русские в Париже. 1919–1939. – 2-е изд., доп., рис. Алексея Ремизова «Из Достоевского» / Е. Менегальдо ; пер. с фр. Натальи Поповой, Игоря Попова. – М. : Кстати, 2007. – 288 с. ; ил.

8. Пархоменко, Т. А. Культурное наследие русского зарубежья в диалоге цивилизаций XV–начала XX века / Т. А. Пархоменко. – М. : Институт наследия, 2019. – 336 с. ; ил.

9. Семенова, Т. О. Система повествования Г. И. Газданова : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Т. О. Семенова. – СПб., 2001. – 220 с.

10. Чагин, А. И. Расколота лира (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920–1930-е годы) / А. И. Чагин. – М. : Наследие, 1998. – 272 с.

Контрольные вопросы:

1. Назовите основные жанры прозы в журнале «Числа».
2. Публиковались ли в «Числах» романы?
3. Перечислите основных авторов прозы «Чисел».
4. С какими теоретическими установками связано желание авторов прозы максимально достоверно воспроизвести внутреннюю жизнь героев?
5. Творчество каких иностранных авторов повлияло на прозу младоэмигрантов?
6. Какой модернистский тип повествования встречается в прозе «Чисел»?
7. В каком прозаическом произведении, помещенном в журнале «Числа», произведена попытка синтеза всех трех родов литературы? Назовите его автора.
8. С чем связан натурализм прозы «Чисел»?
9. Назовите прозаиков «Чисел». В чьем творчестве присутствуют эротические мотивы?
10. Какие еще модернистские мотивы можно встретить в прозе «Чисел»?

3. ОБРАЗЫ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ В ПРОЗЕ ЖУРНАЛА «ЧИСЛА»

В соответствии с теоретическими установками авторов журнала в прозе большое внимание уделялось частной, личной жизни человека, его внутренним переживаниям. Происходящие в окружающем мире события (в том числе и революция 1917 года, Гражданская война, эмиграция) передаются и оцениваются только через призму восприятия героя. В центре прозы «Чисел» стоит человек.

Как правило, главным героем является русский интеллигент, вынужденный эмигрант, не чуждый литературному труду, – двойник автора по судьбе, по идеям, по духу. Герой принадлежит к тому же поколению, что и автор, и, как и он, испытывает все тяготы эмигрантской жизни – как материальные, так и духовные. Он оторван от Родины, от своих корней, он потерял идеалы и верования и борется с тенденцией к деградации, духовной смерти.

Таким мы видим главного героя в «Водяной тюрьме» Г. Газданова, «Неравенстве» Ю. Фельзена, «Долголикове» С. Шаршуна, «Аполлоне Безобразове» Б. Поплавского и во многих других произведениях.

Вот как сами герои описывают свою жизнь в эмиграции:

«Меха и камни кончились в Берлине, и здесь мы третий год живем, не зная, на что и откуда сыты. Мама целый день бежит за старыми американками и должна водить их к великосветской русской портнихе – давнишней приятельнице. Я служу в газете, где вижу занятых людей и не скучаю, но работаю за гроши. Мы в отвратительном темном отеле, спим на двуспальной кровати и невероятно зависим одна от другой. Мама, бедная, устает до обморока, и мне невыносимо стыдно приходить поздно, без конца писать или поправлять. Она безропотно добрая, но каждый вечер отравлен...»³⁵.

³⁵ Фельзен, Ю. *Неравенство* / Ю. Фельзен // *Числа*. – Париж, 1930. – № 1. – С. 97.

«Я разгружал вагоны, следил за мчащимися шестернями станков, истерическим движением опускал в кипящую воду сотни и сотни грязных ресторанных тарелок. По воскресеньям я спал на бруствере фортификаций в дешевом новом костюме и в желтых ботинках неприличного цвета. После этого я просто спал на скамейках, и днем, когда знакомые уходили на работу, на их смятых отельных кроватях, в глубине серых и жарких туберкулезных комнат.

Я тщательно брился и причесывался, как все нищие. В библиотеках я читал научные книги в дешевых изданиях, с идиотическими подчеркиваниями и замечаниями на полях. Я писал стихи и читал их соседям по комнатам, которые пили зеленое, как газовый свет, дешевое вино и пели фальшивыми голосами, но с нескрываемой болью, русские песни, слов которых они почти не помнили...»³⁶.

При этом в большинстве произведений повествование ведется от первого лица и носит исповедальный характер. Интересно, что герои-повествователи в прозе «Чисел», как правило, безымянны; лишенные имени собственного, они еще теснее сближаются с авторским «Я». Е. Бакуниной, чтобы каким-то образом отделить себя от героини своего «введения в роман» «Тело» пришлось специально предварить повествование следующими словами:

«То что я пишу от первого лица, вовсе не значит, что я пишу о себе. Мое я потеряно и заменено образом женщины, отлитой случайно обрушившимися условиями по типовому образцу.

В этой женщине я тщетно пытаюсь найти исчезающее, расплывающееся – свое. А нахожу чужое, сходное с другими. Следовательно и рассказывая о себе, я говорю о других. Мне только удобнее рассматривать этих других через себя. Виднее. Так нет ничего скрытого, ошибочного, ложного, выдуманного»³⁷.

Как мы видим, повествование от первого лица обосновы-

³⁶ Поплавский, Б. *Аполлон Безобразов (главы из романа)* / Б. Поплавский // *Числа*. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 86.

³⁷ Бакунина, Е. *Тело (введение в роман)* / Е. Бакунина // *Числа*. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 34.

вается автором как необходимое условие правдивости. Эту же мысль – необходимость писать только о себе и «рассматривать других через себя» – можно найти и в прозе других младо-эмигрантов. Так, герой-повествователь в «Зеленом колоколе» Л. Кельберина, отмечает, что «...каждый говорит о себе или пустые слова»³⁸.

Характерной чертой персонажей прозы «Чисел», также сближающей их с авторами – представителями молодого литературного поколения, является разочарование в прошлых верованиях и мучительный поиск новых идеалов. Герои постоянно задаются вопросами о смысле жизни, которые остаются без ответов.

«Зачем и куда все это несет нас?.. Зачем? Кому мы теперь нужны?.. Кому дело до нас?.. Чего?.. ДЛЯ КОГО?!.. ВО ИМЯ ЧЕГО?!...»³⁹, – спрашивают сами себя эмигранты из повести А. Букова «Была земля».

«...зачем эта печальная и страшная жизнь? И где же та страна, где все “ordre et beaute”?»⁴⁰, – задается вопросом герой «Уединения и праздности» В. Варшавского.

Ищет и никак не может найти ответы на мучающие его вопросы герой «Трех отрывков» С. Горного:

«Я... почувствовал темное рядом с холодком злобы в сердце – злобы на очередную, жестокую нелепость в жизни – кому это надо? к чему? боль, ужас... Почему же, почему же так много боли здесь. Так скверно все устроено?»⁴¹.

«...когда зрелище страдания становится совершенно нестерпимым – предстают неразрешимые детские вопросы – почему и зачем. И непримиримое: за что?»⁴², – отмечает героиня «Тела» Е. Бакуниной.

Своим героям авторы-эмигранты как бы передают свою

³⁸ Кельберин, Л. Зеленый колокол / Л. Кельберин // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 85.

³⁹ Буков, А. Была земля / А. Буков // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 27.

⁴⁰ Варшавский, В. Уединение и праздность / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 67.

⁴¹ Горный, С. Три отрывка / С. Горный // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 39–40.

⁴² Бакунина, Е. Тело (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 41.

обиду на не защитившие их высшие силы, разочарование в христианстве. А. Гингер называл себя буддистом, С. Шаршун интересовался восточными религиями и новыми течениями в западноевропейской философии. Б. Поплавскому современники приписывали самые разнообразные религиозные взгляды, и, пожалуй, точнее всех его мировоззрение в этом отношении выразил Г. Адамович:

«Никогда нельзя было знать и предвидеть, с чем придет сегодня Поплавский, кто он в сегодняшний вечер: монархист, коммунист, мистик, рационалист, ницшеанец, марксист, христианин, буддист, или просто спортивный молодой человек, презирающий всякие отвлеченные мудрости и считающий, что нужно только крепко спать, плотно есть, делать гимнастику для развития мускулов, а всё прочее – от лукавого. В каждую отдельную минуту он бывал совершенно искренен, но остановиться или хотя бы задержаться ни на чем не мог»⁴³.

Религиозное сознание героев прозы «Чисел» развивается соответственно со взглядами авторов. Аполлон Безобразов Б. Поплавского и Долголиков С. Шаршуна – религиозные эклектики, как и сами авторы. Так, в размышлениях Аполлона Безобразова единый Бог разделяется то на праведного Христа (образ которого он трактует по-своему) и жестокого Бога-Отца Ветхого Завета, то на дуалистические образы, сходные с зороастрийско-манихейскими или египетскими:

«Ребенок он, твой Христос. Он Отца не видел никогда. Ему его доброта Отца заслонила. Вот Он и сказал: – Я и Отец одно... Если одно, то Христос обманщик: Он мир творил, Он невинных убивал, Он крокодиловые слезы проливал, лицемеря с косою в руке. И его вина горше всех. Если же не одно, то не знал ничего о Боге, ибо много лучше Бога был. Почему отец его и предал»⁴⁴.

«Я не молюсь никогда. И неужели ты думаешь, что Они в самом деле поссорились из-за человека. Да они из-за карт

⁴³ Адамович, Г. Одиночество и свобода / Г. Адамович. – Нью-Йорк: изд-во имени Чехова, 1955. – С. 279.

⁴⁴ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 100.

передрались. – Белый Черного обыграл, и опять играть сели»⁴⁵.

«Разве Христос, если бы он родился в наши дни, разве не ходил бы он без перчаток, в стоптанных ботинках и с полумертвою шляпой на голове. Не ясно ли вам, что Христа несомненно во многие места не пускали бы, что он был лысоват и, что под ногтями у него были черные каемки»⁴⁶.

Сам герой-повествователь в «Аполлоне Безобразов» характеризует себя именно как безбожника. При этом в его размышлениях часто соединяются образы и понятия из различных религий.

Долголиков – главный герой одноименного романа С. Шаршуна – характеризуется автором как аскет, интересующийся антропософией и манихеизмом⁴⁷. Вместе с тем он практикует медитацию, причем способом сосредоточения Долголикову служат христианские тексты:

«„Jesus pasibilis! Христос, повсюду и непрерывно за нас распинаемый!“ мысленно произносил он, стараясь приблизиться к переживанию того, на чем настаивал разум»⁴⁸. Близок к религиозному эклектизму и герой рассказа Н. Татищева «Кривой». В его рассуждениях присутствуют образы из различных религий:

«Февраль – месяц возрождающегося Феба, когда Феб загоняет своим бичом Вакха под землю, в сырые винные погреба. Но еще царство Вакха не окончательно низвержено и благоразумно в меру совершать ему возлияния. В моем мешке, кроме бутылки и одеяла, находится еще Библия; я иногда читаю главу из ветхого завета и согреваюсь, воссоздавая на фоне военных и любовных эпизодов пейзажи азиатских пустынь»⁴⁹.

⁴⁵ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 100.

⁴⁶ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 88.

⁴⁷ См.: Шаршун, С. Путь правый (отрывки из романа) / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 119.

⁴⁸ Шаршун, С. «Герой интереснее романа» (из эпопеи) / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 131.

⁴⁹ Татищев, Н. Кривой / Н. Татищев // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 152–153.

«В начале моей бродяжнической жизни, т. е. сразу после войны, я собирался уйти от суровых европейских зим на юго-восток, в Индию. Я знаком через книги с индусской метафизикой и считаю атмосферу индуизма, физическую и психическую, наиболее подходящей для меня»⁵⁰.

Запоминающийся образ эмигранта-атеиста создает С. Горный в рассказах «Фотография», «Три отрывка», «Отрывок». При этом последовательно показывается эволюция религиозных взглядов героя. Сначала он разочаровывается в православной религии. По его мнению, она неспособна дать ответ на главные вопросы бытия, рассеять страх человека перед смертью. Ища ответа на свои вопросы, герой далее приходит к представлению о некоем Боге-математике, сходном с перводвижителем механицистов. Такой Господь отнюдь не всеблаг, он вообще лишен представления о добре и зле. Но только такой Бог возможен в мире, где царит извечная несправедливость смерти:

«Ибо Бог у нас математик.

Чудес у Него нет.

Уже если Он убил, разорвал, залил черным спину, похолодил ноги – то чудес Он сделать уже не может. Сам не смеет. У Него все по логарифмам.

А напрасно»⁵¹.

От представления о таком Боге герой, логически развивая свою мысль, приходит к атеизму:

«...я бы на месте Боженьки взял бы и сделал чудо.

Вернул бы аптекаря к жизни.

Что Ему стоило бы сделать это?

А может быть и Боженьки-то никакого нет?»⁵².

К атеизму приходят и многие другие герои прозы на страницах «Чисел». Так, признается, что не верит в Бога героиня «Тела» Е. Бакуниной, об утрате религиозной веры как характер-

⁵⁰ Татищев, Н. Кривой / Н. Татищев // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 154.

⁵¹ Горный, С. Три отрывка / С. Горный // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 41–42.

⁵² Там же. – С. 42.

ной черте духовной жизни русской эмиграции пишет в своем романе «Была земля» А. Буров, разочарован в религии и герой «Писем о Лермонтове» Ю. Фельзена. По его мнению, бессмертие души – лишь иллюзия, в которую людям удобно верить. В числе религиозных образов на страницах «Чисел» один заслуживает особого внимания. Это образ библейского Иова, который с вариациями появляется в прозе журнала несколько раз. Так, например, А. Буров в рассказе «С одинокими Господь» устами героя Давида Бирнбаума сопоставляет мучения эмигрантов в чужой стране с испытаниями, перенесенными библейскими пророками:

«Все хорошие люди страдают... Взять хотя бы этого... как его... вроде Иова, – весь, понимаете, в струпьях, в язвах, – шутка ли, – страдал и не роптал!.. Да как страдал еще!.. Мы, как никто, и все революции, и все эволюции отстрадали...»⁵³.

Это дало возможность Н. Летаевой, а также авторам учебного пособия «Литература русского зарубежья (1920–1990)» под редакцией А. И. Смирновой (2006 года) говорить о существовании в прозе «Чисел» образа Иова – праведника на гноище, через страдания оказывающегося только укрепленным в своей вере в Божественную Истину.

Однако в связи с разочарованием авторов «Чисел» в христианских идеалах обнаруживаются серьезные различия между образами библейского пророка и героя-эмигранта. Претерпевающий мытарства Иов в конечном итоге оказывается сполен вознагражден за свою преданность Богу. Но вознаграждение героя здесь невозможно. Прозаические произведения авторов «Чисел» практически всегда заканчиваются трагически: разрывом любовных отношений, гибелью персонажей или их близких и так далее. Герой не ждет от будущего ничего хорошего. Как правило, оно неопределенно и внушает персонажам лишь страх. Отсюда берет свое начало не твердая и непоколебимая вера Иова, а, напротив, разуверенность в Боге или, по крайней мере, в привычном представлении о нем.

⁵³ Буров, А. *С одинокими Господь* / А. Буров // *Числа*. – Париж, 1934. – № 10. – С. 101.

Литература:

1. «Мы с Вами очень разные люди»: письма Г. В. Адамовича А. П. Бурову (1933–1938) / Публикация О. А. Коростелева // *Диаспора: Новые материалы*. – Париж ; СПб. : Athenaeum-Феникс, 2007. – Вып. IX. – С. 325–354.
2. Агеносов, В. В. История литературы русского зарубежья. Первая волна : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. – М. : изд-во «Юрайт», 2019. – 365 с.
3. Горбунова, А. И. Литературная критика на страницах журналов и газет «Русского Парижа» 1920–1930-х годов : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / А. И. Горбунова. – Саранск, 2004. – 211 с.
4. Костиков, В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции / В. Костиков. – М. : Международные отношения, 1994. – 528 с.
5. Литература русского зарубежья (1920–1940) : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / отв. ред. : Б. В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко / Учебно-методический комплекс по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)». – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 848 с.
6. Матвеева, Ю. В. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века : учеб.-метод. пособие / Ю. В. Матвеева. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2017. – 92 с.
7. Пархоменко, Т. А. Культурное наследие русского зарубежья в диалоге цивилизаций XV–начала XX века / Т. А. Пархоменко. – М. : Институт наследия, 2019. – 336 с. ; ил.

Контрольные вопросы:

1. Кто, как правило, является главным героем прозы «Чисел»?
2. Частной или общественной жизни героя уделяется большее внимание?
3. От какого лица обычно ведется повествование в «числовой» прозе? Чем это обусловлено?
4. Какие характерные черты присущи героям прозы молодых эмигрантов?
5. С чем связано разочарование персонажей прозы в жизни?

6. Охарактеризуйте религиозные искания одного из авторов прозы «Чисел» (по выбору).

7. Охарактеризуйте религиозные искания одного из героев прозы «Чисел» (по выбору).

8. Кто из авторов «Чисел» создал в своих рассказах запоминающийся образ эмигранта-атеиста?

9. Какой библейский образ часто встречается в прозе «Чисел»? Объясните его символическое значение.

10. Каковы различия между библейской трактовкой данного образа и пониманием его авторами «Чисел»?

4. КАРТИНА МИРА В ПРОЗЕ ЖУРНАЛА «ЧИСЛА»

Очень характерным для прозы «Чисел» является восприятие персонажами окружающего мира как чуждого и враждебного. Этот мир представлен в гротескных, абсурдных образах, нелеп и фантасмагоричен.

Таким предстает мир в «Водяной тюрьме» Г. Газданова, в «Идиллиях и анекдотах» Р. Пикельного, в «Аполлоне Безобразов» Б. Поплавского, в «Долголик» С. Шаршуна, в «оптимистическом рассказе» В. Варшавского «Из записок бесстыдного молодого человека», «Пане Станиславе» Б. Сосинского.

Предметы в этом мире часто одушевлены и могут претерпевать странные алогичные превращения:

«...я видел, как оживали и начинали существовать все предметы, наполнявшие мою комнату; как неведомый свет бежал по зеркалу шкафа, как раздувались страницы книги на столе, как плыл в темноте мраморный корабль умывальника и из-за овальной решетки его, помещавшейся между кранами с горячей и холодной водой, мелькало белое лицо водяного пленника...»⁵⁴.

«...из мглы одиночества, одичания – отчалил, двинулся куда-то; таяли льды, стеклянные колпаки тюрьмы; забрезжило, повеяло утром; дрогнули в запрозрачневшем воздухе, засеребрились – звуки: арфы, лютни, лиры»⁵⁵.

«...убеленный сединой, под тяжестью тысячелетий, я содрогался перед видением мира, все шире и шире раздвигающегося перед крыльцом нашего дома. Я шел в лесу и плача, останавливая рукой биение сердца, кричал в темноту и одиночество дорогое мне имя. Шевелился мох, обнимая мои ноги, ветви хлестали меня по лицу, ломая деревья, шел на меня

⁵⁴ Газданов, Г. Водяная тюрьма / Г. Газданов // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 34.

⁵⁵ Шаршун, С. Путь правый (отрывки из романа) / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 111.

широкоплечий медведь, а по пятам неустанно семенили волчьи стаи»⁵⁶.

«Кто-то внизу, в первом этаже, играл на рояле – и рояль сдвигался с места и шел ко мне, гремя по винтовой железной лестнице, ударялся всей своей тяжестью в дверь»⁵⁷.

«Вдруг он увидел нечто очень странное; высокий дом, мимо которого он проходил, стал медленно и бесшумно наклоняться; фигура русской актрисы показалась на третьем этаже и двигалась в воздухе вниз, держась за раму окна...»⁵⁸.

Поскольку для прозы «Чисел» характерно повествование от первого лица, мир показан через восприятие повествователя. Следовательно, оказывается искажен не столько сам мир, сколько представление героя о нем. Как правило, повествователь мыслит себя вне этого мира, он разобщен с ним. Сами герои отмечают это как характерную черту своего мировосприятия:

«Мне начинает казаться, что все призрачно, непостижимо и видится как на далеком кинематографическом экране, когда сидишь в самых задних рядах, мучительно вглядываешься и напрасно пытаешься перейти какую-то черту, отделяющую от этого, вне меня существующего, экрана и достигнуть иллюзии, превращающей плоские сменяющиеся изображения в трехмерный, со всех сторон окружающий мир. Чтобы все плывущее перед моими глазами, обманчивое, как дрожащий в знойном воздухе мираж, облеклось тяжестью и твердостью настоящих вещей, чтобы все встало на свое место и сделалось обычным и неподвижным, нужно пристально и сосредотачивая внимание вглядеться, тронуть рукой...»⁵⁹.

В искаженном мире прозы «Чисел» нелепы и алогичны не

⁵⁶ Сосинский, Б. Пан Станислав / Б. Сосинский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 120.

⁵⁷ Там же. – С. 121.

⁵⁸ Газданов, Г. Мэтр Рай / Г. Газданов // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 71.

⁵⁹ Варшавский, В. Из записок бесстыдного молодого человека (оптимистический рассказ) / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 61–62.

только предметы, но и люди, окружающие героя:

«Не зная ни греческого, ни латыни, Собр покупал, правда редко и по случаю, только книги древних авторов, читал он русские или немецкие предисловия к ним, причем, если автор предисловия находил нужным перевести какую-нибудь фразу старинного текста, – чувствовал себя обиженным, усматривая в этом недоверие и неуважение к читателю»⁶⁰.

«Прежде чем отправиться в город, Анна-Амалия-Амедея-Тереза фон Краусс (так звали мать Собра) – наряжалась грабителем: заматывала вокруг шеи красный платок, прятала под картузом волосы и в старом, обтрепанном костюме покойного мужа, неумело подражая ухваткам театральных жуликов, будто бы крадучись – вылезала через окно на улицу и таким же образом проникала обратно в дом»⁶¹.

«В прошлом году у Балдахала отпадала голова: проснет-ся, утром, а она у него на ниточке; за зиму голова приросла – африканский доктор прирастил внушением и укрепил маринолем...»⁶².

Для прозы «Чисел» характерны образы пропасти, бездны (в которую все рушится), дыма и пыли (подобно им, все легко исчезает, рассеивается):

«...он чувствовал, что летит в пропасть. Страшно лететь в пропасть, лгуны говорят, что это сладко»⁶³.

«Вот они – знакомые... неотвязною тенью скользкие за мной в пропасть, маленькие, жалкие, уязвленные люди – обыватели – как я»⁶⁴.

«Я обнимал воздух, потому что он напоминал мне о тонком теле Елены. Но воздух ускользал из моих объятий. Мир таял, как

⁶⁰ Пикельный, Р. Идиллии и анекдоты / Р. Пикельный // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 68.

⁶¹ Там же. – С. 70.

⁶² Ремизов, А. А. Индустриальная подкова / А. А. Ремизов // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 122.

⁶³ Адамович, Г. Рамон Ортис / Г. Адамович // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 37.

⁶⁴ Алферов, А. Дурачье / А. Алферов // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 28.

дым. Я цеплялся за этот мир руками, но он уходил от меня, как туманный и печальный сон»⁶⁵.

«Ему показалось, что вся его прочная, разумная жизнь хозяйственного фермера вдруг, как столб пыли, взлетела из-под его ног, закружилась и рассыпалась перед ним. И ничего не осталось»⁶⁶.

«Я курю папиросы, и подымаюсь дымом над столом, к потолку – как это делает человек во сне, которому скучно днем и грустно одиноким вечером»⁶⁷.

Одним из самых характерных для прозы «Чисел» является образ водной стихии, которая смывает все, затапливает города, истребляет людей. В данном случае вода предстает как символ пережитых героями-эмигрантами потрясений, уничтожения привычных для них реалий, идеалов, верований.

К образу воды, моря как стихии обращались в своей прозе такие авторы «Чисел», как Г. Адамович («Рамон Ортис»), А. Алферов («Море»), А. Буров («Была земля»), Е. Бакунина («Шторм»), В. Варшавский («Уединение и праздность»), Г. Газданов («Водяной пленник»), Б. Поплавский («Аполлон Безобразов»), С. Шаршун («Долголиков») и другие.

В некоторых произведениях, например, в «Шторме» Е. Бакуниной и «Долголикове» С. Шаршуна, сметающая все на своем пути водная стихия вполне реальна: в «Шторме» героям грозит разбушевавшийся океан, в «Долголикове» главный герой погибает во время наводнения. Но обычно образ воды появляется во снах или мечтаниях героя как один из ключевых элементов нереального, фантазмагорического мира:

«...я увидел, что комнаты затоплены зеленой водой и по стенам растут длинные морские травы; и высоко под потолком стояла неподвижно лысая голова аббата Tetu с неподвижными, улыбающимися глазами...

⁶⁵ Ладинский, А. Как дым / А. Ладинский // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 61.

⁶⁶ Одоевская, И. Жасминовый остров (из романа) / И. Одоевская // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 68.

⁶⁷ Сосинский, Б. Пан Станислав / Б. Сосинский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 122.

Подруга m-lle Tito... играла на рояле; и каждый раз, как палец ее нажимал клавишу, оттуда показывался хрустальный пузырек воздуха, – он поднимался вверх с легким бульканьем... В комнату вплыл, держась за спасательный пояс, матрос, влюбленный в мадам Матильд, и черные буквы на его поясе повторяли его отчаянные крики – je veux la patronne!»⁶⁸

«Как огромно лето в опустевших городах, где все полузакрывается и люди медленно движутся, как бы в воде»⁶⁹.

«Мне снился Париж, затопленный морем. Медленно через кафэ дю Дом проплывали огромные рыбы и гарсоны плыли вниз головою все еще держа в руках подносы с бутылками, что совершенно противоречило законам физики. А где-то в сторону Обсерватории, медленно освещая воду желтыми снопами своих прожекторов, проплывала неизвестная подводная лодка... И солнце вставало, озаря неподвижно плавающих в воде красивых и мертвых Монпарнасских проституток»⁷⁰.

Интересна трактовка этого символического образа в прозе А. Бурова. Он обращается к тургеневской метафоре («вешние воды»), но в его интерпретации эти воды превращаются в стихию, губительную как для самих героев, так и для их идеалов. Примечательно, что главный герой произведения, профессор Стратонов, добивается в качестве статиста немного кино непревзойденного успеха именно «в роли утопленника».

Фантазмагоричность описываемого мира во многом обусловлена тем, что для прозы «Чисел» характерно размытие в сознании героя границ между реальностью и его снами, мечтами, воспоминаниями, сказками. Так, в восприятии девочки Марии, героини «Жасминового острова» И. Одоевцевой, реальный мир накладывается на мир сказок и снов, причем она не делает между ними различия. Сказочные карлики для Марии так же

⁶⁸ Газданов, Г. Водяная тюрьма / Г. Газданов // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 46–47.

⁶⁹ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 86.

⁷⁰ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 97.

реальны, как и ее отец и прочие окружающие ее люди. Она не сомневается в том, что ее будущая мачеха – ведьма, а все в мире одушевлено:

«Яблони бегали вперегонки по дорожкам, быстро перебирая длинными корнями. И не только яблони, но и все деревья, все кусты ходили по саду. Даже огромный, столетний дуб тяжело шел, качая ветвями. Можжевельник, как еж, катался колючим шариком взад и вперед по лужайке, а елки танцевали. Их колючие верхушки подпрыгивали в звездном небе»⁷¹.

Сказочные мотивы также ясно видны в «Долголикове» С. Шаршуна. В частности, путешествию героев в сказочный мир посвящена глава «Злой мальчик». Здесь на равных с персонажами из реального мира действуют такие традиционные сказочные герои, как Серый Волк и Красная Шапочка.

Часто герой прозы, избегая неприглядной действительности, погружается в мечты, которые также накладывают свой отпечаток на восприятие им окружающего мира. В таком случае не просто стирается граница между реальным миром и мечтаниями: часто воображаемый мир приобретает для героя большую значимость, нежели действительность. Такое мировосприятие характерно для героев младоэмигрантов – Е. Бакуниной, А. Бурова, В. Варшавского, Ю. Фельзена, В. Яновского и др.

Герой «Неравенства» Ю. Фельзена одинок, у него нет близких людей в реальной жизни. Но их отсутствие он заменяет воображаемым общением. Близок к нему другой персонаж прозы Ю. Фельзена – герой «Писем о Лермонтове». Он так же одинок и вместо построения реальных отношений довольствуется идеальными «воображаемыми романами». Постоянно погружен в мечты и один из персонажей «Тринадцатых» В. Яновского – бывший русский офицер, ныне сутенер своей жены. Грезы для него – средство хоть как-то отстраниться от того жалкого существования, которое эмигранты влачат в Париже. В мечтаниях он проживает другую, значимую для него жизнь, совершенно

⁷¹ Одоевцева, И. *Жасминовый остров* (из романа) / И. Одоевцева // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 64–65.

не похожую на реальную. Героиня «Тела» Е. Бакуниной, презиравая собственного мужа, с которым у нее нет духовной близости, мысленно «изменяет» ему с героями романов. Характерно, что свои грезы она считает более реальными, чем настоящую жизнь, говоря о вынужденном прекращении мечтаний: «Из того, что есть моя подлинная действительность, я возвращена в чуждую, томительную явь»⁷².

Персонажи постоянно испытывают гнетущие чувства тоски, скуки, страха, а также потери реальности, утраты контакта с внешним миром. С последним связано желание героев обрести всю полноту и радость бытия.

Так, Вильгельм Гуськов, герой повести В. Варшавского «Уединение и праздность», мучительно переживает свою разобщенность с окружающим миром, он жаждет слиться с ним, познать «глубину жизни»:

«Уже давно его смущала странная мысль, что другие люди были в “глубине” жизни, но он хотя раньше, в детстве, тоже находился в этой глубине, теперь, так как произошла какая-то ужасная и необъяснимая ошибка, лежал на песчаной отмели отвлеченных и неподвижных рассуждений, как трудно раздувающая жабры рыба у края текущей мимо светлой воды»⁷³.

К этому же познанию действительности стремится и Долголиков С. Шаршуна, поскольку «...его связь с живым миром – пресеклась»⁷⁴.

Героиня «Тела» Е. Бакуниной так характеризует свое отношение к реальности:

«Жизнь... возбуждает мой гнев.

Ее как бы нет. ...настоящее не существует. Оно не то, не прие­млет­ся мною и всегда остается позади. Каждый данный момент уже прошел. Я вступаю в следующий, сам собою связанный с

⁷² Бакунина, Е. *Тело* (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 45.

⁷³ Варшавский, В. *Уединение и праздность* (повесть) / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 75.

⁷⁴ Шаршун, С. «Герой интереснее романа» (из эпопеи) / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 111.

чем-то для меня неизвестным. Все навсегда запутано. Я ничего не понимаю»⁷⁵.

«...страх, тоска и непонимание того, что во мне и вокруг меня – стало моим обычным состоянием, вероятно вследствие нездоровых условий жизни, лишенной радостных ощущений... Стандартная русская женщина в эмиграции»⁷⁶.

Герой прозы «числовцев» пытается бежать от неприглядной действительности, однако ему доступно лишь пространство его фантазий, литературы и идеализированного прошлого. Но все эти побеги обречены, действительность всегда оказывается сильнее, она убивает все надежды и идеальные устремления.

Литература:

1. Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур : сборник науч. трудов ИНИОН РАН: Центр гуманитарных научно-информационных исследований (отдел литературоведения). Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» / сост.: Т. Н. Красавченко (отв. ред.), М. А. Васильева, Ф. Х. Хадонова. – М. : ИНИОН РАН, 2005. – 344 с.
2. Диенеш, Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / Л. Диенеш ; пер. с фр. – Владикавказ : изд-во Северо-Осетинского ин-та гуманитар. исследований, 1995. – 304 с.
3. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков : учеб. пособие / под ред. Г. В. Жиркова. – СПб. : изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003. – 320 с.
4. Каспэ, И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы / И. Каспэ. – М. : НЛО, 2005. – 320 с.
5. Ковалевский, П. Е. Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П. Е. Ковалевский. – Париж : Librairie des cinq continents, 1971. – 347 с.
6. Летаева, Н. В. Молодая эмигрантская литература 1930-х

⁷⁵ Бакунина, Е. Тело (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 35.

⁷⁶ Там же. – С. 38–39.

годов: проза на страницах журнала «Числа» : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Н. В. Летаева. – М., 2003. – 180 с.

7. Матвеева, Ю. В. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века : учеб.-метод. пособие / Ю. В. Матвеева. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2017. – 92 с.

8. Менегальдо, Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского / Е. Менегальдо. – СПб. : Алетей, 2007. – 268 с.

9. Менегальдо, Е. Русские в Париже. 1919–1939. – 2-е изд., доп. рис. Алексея Ремизова «Из Достоевского» / Е. Менегальдо ; пер. с фр. Натальи Поповой, Игоря Попова. – М. : Кстати, 2007. – 288 с. ; ил.

10. Пархоменко, Т. А. Культурное наследие русского зарубежья в диалоге цивилизаций XV–начала XX века / Т. А. Пархоменко. – М. : Институт наследия, 2019. – 336 с. ; ил.

Контрольные вопросы:

1. Как воспринимают персонажи прозы «Чисел» окружающий мир? Каким он обычно предстает в их восприятии?
2. Чем обусловлена фантазмагоричность мира в прозе «Чисел»?
3. Какая характерная черта героев прозы связана с восприятием ими окружающего мира?
4. Как ведут себя люди, окружающие героя? Логичны их поступки или нет?
5. Перечислите основные образы, характерные для прозы младеэмигрантов.
6. Образ какой стихии наиболее важен для понимания «числовской» прозы? Как трактуется этот образ разными авторами?
7. Кто из авторов «Чисел» обращается к классической метафоре для передачи жизненных перипетий своих героев?
8. В творчестве каких прозаиков «Чисел» наиболее сильны сказочные мотивы?
9. Для героев каких авторов «Чисел» характерно размытие границ между мечтами и действительностью?
10. Какие чувства обычно испытывают герои прозы «Чисел» из-за своей разобщенности с окружающим миром?

5. ТЕМА ЛЮБВИ В ПРОЗЕ «ЧИСЕЛ»: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО

Самое трудное для героев прозы «Чисел» – пережить чувство разобщения не с миром, а с окружающими. Состояние трагического непонимания другими людьми, одиночества в толпе отмечается ими как характерное не только для зарубежной России, но и для всего мира в целом:

«Огромные города продолжают всасывать и выдыхать человеческую пыль. Происходят бесчисленные встречи взглядов, причем всегда одни из них стараются победить, или сдаются, потупляются, скользят мимо. Никто не решается ни к кому подойти, и тысячи мечтаний расходятся в разные стороны»⁷⁷.

«Война... обнаружила, до чего мы заброшены, одни на земле, до чего нельзя надеяться ни на какую "потустороннюю" помощь и что единственное у нас утешение... в сознании одинаковой у всех бедности, одиночества, беспомощности, вместе ожидать неизбежного скорого конца»⁷⁸.

«...другие не поймут. И ты можешь пойти сейчас куда хочешь, и позвонить, и рассказать, и растолковать, и объяснить, и тебя все-таки вытолкают из чужой спальни, и никому нет до всего этого никакого дела, каждому свое... вы поняли, что никому нет дела... Это знаю и я: нет дела. И самое страшное, слушайте, что там, наверху, кажется, там с ними, а не с нами, там за них, – или безразличие, но это то же самое»⁷⁹.

«...в этих новых и чужих странах у каждого есть только свое личное горе и свое личное временное счастье, никому абсолют-

⁷⁷ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 85.

⁷⁸ Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 75.

⁷⁹ Адамович, Г. Рамон Ортис / Г. Адамович // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 41, 43.

но до других, этих пробирающихся великих бездомников, нет дела...»⁸⁰.

«...тяжелые звуки колокола и неподвижный солнечный воздух непонятно почему, но явственно для мэтра, подчеркивали его страшное бессилие и одиночество. Та тоска, которая в начале путешествия охватила только одну часть его сознания, теперь окончательно овладела им»⁸¹.

«В сознании Вильгельма появлялся "я" (это было – пустота и скучное, отвлеченное сладострастие) и "я" был одинок и отвержен от жизни других людей, от мира, от всего, что он знал или читал... И если бы Вильгельм закричал, никто бы не услышал. Во всем огромном мире не было никого...»⁸².

«Я чувствую себя совершенно, совершенно одинокой, как если бы я была одна в непроницаемой камере затонувшей подводной лодки – и в то же время противопоставленной тому непостижимому нагромождению событий, каким является мир»⁸³.

При этом герой пытается тем или иным способом разрушить существующую между ним и другими незримую стену, однако чаще всего тщетно. Все надежды на преодоление одиночества персонажи прозы «Чисел» связывают с любовью, причем во всех ее проявлениях. Вот как об этом пишет Ю. Фельзен в своих «Письмах о Лермонтове»:

«...свидетели и жертвы огромных несчастий, мы – пытаюсь очистить себя от всего в нас преувеличенного, надутого и высокомерного – оказались без всякой помощи, без всяких "небесных" или тщеславных отвлечений, и вот мне кажется, мы ценим, как никто и никогда не ценил, простую, братскую, добрую, несомненную, осязаемую любовь, у нас потребность и утешаться и утешать ею, и каждый день, каждый вечер – в усталой и словно бы равнодушной толпе – мы неожиданно замечаем утомленные,

⁸⁰ Буров, А. Была земля / А. Буров // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 30.

⁸¹ Газданов, Г. Мэтр Рай / Г. Газданов // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 74.

⁸² Варшавский, В. Уединение и праздность / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 55, 72.

⁸³ Бакунина, Е. Тело (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 39.

страдающие, о чем-то просящие глаза, вероятно похожие на наши – и этого немного стыдимся, как всегда при чрезмерном с собою сходстве – но и стыдясь, если встретимся взглядом, мы понятливо сочувствуем и подбадриваем, благодарные чуть не до слез безымянному ответному сочувствию. Вся эта необязательная, не божественная, никем не предписанная любовь, особенно отрадна и нужна из-за ненависти, нас обступившей...»⁸⁴.

В своей статье «Вокруг „Чисел“» Б. Поплавский пишет о том, что для русского эмигранта, силой судьбы оторванного от Родины, лишенного какой бы то ни было возможности работать для ее блага, Россия воплощается в русской женщине – и вся его любовь к России переносится на «воплощенную родину»⁸⁵, «магический кристалл родины и жизни»⁸⁶. При этом «значение любимого существа сразу удесятряется и отношения переносятся в религиозный план»⁸⁷. В качестве примера литературных произведений, в которых видно такое отношение к женщине, Б. Поплавский называет прежде всего прозу С. Шаршуна и Ю. Фельзена.

Через любовь к человеку герой прозы «Чисел» действительно способен слиться со всем миром, ощутить некое мистическое единство с ним, почувствовать ту истинность, ту полноту бытия, к достижению которой он стремится и нехватку которой мучительно ощущает. «Остальное чепуха, остальное все равно, но о любви сомнений нет...»⁸⁸, – утверждает повествователь в рассказе Г. Адамовича «Рамон Ортис».

Так воспринимают любовь герои «Шторма» Е. Бакуниной, «Уединения и праздности», «Из записок бесстыдного молодого человека» В. Варшавского, «Живой улики» И. Демидова, «Зеленого колокола» Л. Кельберина, «Как дым» А. Ладинского, «Неравенства»

⁸⁴ Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 76.

⁸⁵ Поплавский, Б. Вокруг «Чисел» / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 206.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Адамович, Г. Рамон Ортис / Г. Адамович // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 42.

и «Счастья» Ю. Фельзена, «Операции» Л. Часинга, «Долголикова» С. Шаршуна.

Главным героям прозы «Чисел» свойственно обожествление своих возлюбленных, поклонение им, стремление жертвовать всем ради них. Это связано именно с тем, что на вынашиваемую в себе действительную или мнимую любовь к человеку герои прозы «Чисел» смотрят как на возможность обрести высший смысл жизни, по вполне серьезному определению Б. Поплавского, на «роман с Богом».

Можно привести несколько цитат, характеризующих такое отношение героя к любимому человеку:

«Все мое сознание было заполнено ею... Мне казалось, что я должен быть благодарным Елене уже за то только, что она существует на свете... мне казалось, что она необыкновенное существо, что она богиня, живущая среди варваров, которые не знают, что ей нужно поклоняться. Она была богиня, очеловеченная каким-то людским недугом»⁸⁹.

«Я любил вас так, как способен человек любить другого человека, я восхищался вами. Мне казалось, что все зло, все уродливое, грязное, низкое, вся боль, которая в мире, и умирание, и даже смерть – должны быть оправданы, если они нужны, чтобы могли быть вы»⁹⁰.

«У меня „фанатическая идея“ – как у подвижника... вам приносить в жертву что угодно... и стоическое презрение к собственным удобствам и нуждам: я могу не есть и не спать, проснуться в любое время, уйти с середины обеда, обходиться без денег, без развлечений и без друзей»⁹¹.

Вот как, например, С. Шаршун описывает момент переживания героем любовного чувства:

«...его любовь: богопочитанье, экстаз, восторг...

⁸⁹ Ладинский, А. Как дым / А. Ладинский // Числа. – Париж, 1934. – № 4. – С. 47.

⁹⁰ Кельберин, Л. Зеленый колокол / Л. Кельберин // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 83.

⁹¹ Фельзен, Ю. Счастье (роман) / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 99.

Преграда, изолировавшая его от всего, что не он – растаяла. Он приблизился, дошел, до постороннего существа: коснулся женского тела...»⁹².

Миг соединения героя с любимым человеком оказывается в то же самое время мигом его растворения в мире.

Сходным образом воспринимает любовь и герой «оптимистического рассказа» В. Варшавского «Из записок бесстыдного молодого человека». Он полностью разочарован в своей возможности познать суть жизни, увидеть реальность, а не «раскращенную, призрачную и тонкую перегородку, за которой пустота, ничего нет»⁹³. Возможность этого познания герой обретает даже не в любви, а только в воспоминании о ней:

«Я... видел, что огромное пространство, отделявшее меня от других людей и жизни, исчезло и совсем близко было такое хорошее и любимое лицо Марии... Произнося эти слова: "меня любила живая женщина", я все вспомнил и понял, и, задыхаясь в воскресшем запахе прошлого, слился со всем окружающим меня миром, который из страшного, футуристического натюрморта, из какой-то не имеющей ко мне отношения мертвой механической системы призрачных геометрических фигур и тел, превратился в сверкающее течение жизни»⁹⁴.

Несколько иначе воспринимает любовь уже упомянутый нами герой повести того же автора «Уединение и праздность» Вильгельм Гуськов. Само название повести, представляющее собой цитату из стихотворения А. С. Пушкина, говорит о многом. Это символическая характеристика не только самого героя, но и всего его поколения: уединение – одиночество, мучительное разобщение с людьми, с Родиной, с миром – и вынужденная праздность.

Вильгельму, как и безымянному герою «оптимистического

⁹² Шаршун, С. Долголиков / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 125.

⁹³ Варшавский, В. Из записок бесстыдного молодого человека (оптимистический рассказ) / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 69.

⁹⁴ Там же. – С. 70.

рассказа», в юном возрасте довелось испытать разочарование в любви, после которого он так же «почувствовал усталость и нежелание участвовать в этой жизни»⁹⁵. Он так же постепенно разуверяется в реальности этого мира и точно так же испытывает мучительное желание прикоснуться к истинной реальности, уничтожить эту «власть обмана и небытия»⁹⁶. Однако воспоминания о прошедшей любви неспособны его утешить. Напротив, Вильгельм мечтает о возможном приходе грядущей любви, о женщине, которая могла бы спасти его от уединения и праздности, показав ему «дорогу в реальный мир».

Более всего «философия любви» развита в прозе Ю. Фельзена. В системе ценностей его героев любовь становится главной жизненной силой, управляющей миром.

Так, Юрий, герой «Неравенства», делит все человечество на «плохо любящих» и «людей любовного склада». Первые, будучи неспособны к внутренней жизни, вынуждены искать сублимации в других родах деятельности – политике, литературе и так далее. При этом они не способны создать какую-либо идею самостоятельно. В свою очередь, люди любовного склада, к которым Юрий относит и себя, действуют всегда в согласии с некоей своей внутренней правдой, которая заставляет их постоянно организовывать и переделывать этот мир.

В соответствии со своими литературно-теоретическими установками авторы «Чисел» почти освободили свою прозу от политики. Тема «утраченной России» и памяти о ней у молодого и даже среднего поколения писателей остается, но отходит на второй план по сравнению с личными (в первую очередь, любовными) переживаниями героя.

Аполлон Безобразов в одноименном романе Б. Поплавского прямо высмеивает желание людей в эмиграции заниматься «политическими вопросами», вопрошая:

«Но что собственно произошло в метафизическом плане, оттого что у миллиона человек отняли несколько венских диванов

⁹⁵ Варшавский, В. Уединение и праздность (повесть) / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 55.

⁹⁶ Там же. – С. 75.

сомнительного стиля и картин Нидерландской школы мало известных авторов, несомненно поддельных, а также перин и пирогов, от которых неудержимо клонит к тяжелому послеобеденному сну, похожему на смерть, от которого человек восстает совершенно опозоренный»⁹⁷. Мы видим, что «метафизический план» для героя оказывается гораздо более важен, нежели судьба России; внутреннее предпочитается внешнему.

Об этом же говорит повествователь в «Письмах о Лермонтове» Ю. Фельзена:

«...почему не пишу, как бы не думаю никогда о России, оправдывая и превознося неопределенное “наше поколение”, а не “русское наше поколение”. ...я о России не пишу намеренно, о ней, о “русском нашем поколении” мне хочется без конца спорить и рассуждать, но так уже нелепо сложилось, что каждая о ней мысль, каждый разговор нас озлобляет душевно...»⁹⁸.

Для героев «Повести с кокаином» М. Агеева, «Была земля» А. Букова, «Третьего Рима» Г. Иванова личные проблемы, поиски любви также важнее общественно-политических вопросов.

Переплетчик Майгель в повести А. Букова «Была земля» так говорит о соотношении личного и общественного:

«Все... изменяется, все проходит, пройдут и волны революции, – все, только он, горб мой, останется на своем месте»⁹⁹.

Молодой герой «Повести с кокаином» М. Агеева, сначала азартно увлекшийся происходящими в мире политическими событиями, уже через месяц после начала Первой мировой войны замечает:

«Вскочивший у меня на носу чирь – бесил, заботил и волновал меня если не больше, то уж во всяком случае искреннее, чем вся мировая война»¹⁰⁰.

⁹⁷ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 87–88.

⁹⁸ Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 77.

⁹⁹ Буков, А. Была земля / А. Буков // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 69.

¹⁰⁰ Агеев, М. Повесть с кокаином / М. Агеев // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 57.

Вопросу о соотношении личного и общественного в жизни целиком посвящен рассказ И. Демидова «Живая улика».

Герой рассказа – Александр Петрович Нардов, «сын известного профессора и видного общественного деятеля, бывший прапорщик, за годы войны дослужившийся до штабс-капитана, еще раньше – юный магистрант Московского университета, без раздумья бросивший и университет и науку, чтобы идти на фронт, а сейчас – уже пожилой, замеченный за годы эмиграции писатель, комиссионер по продаже граммофонов и граммофонных пластинок, член “Общества русских литераторов за рубежом” и сотрудник журнала “На чужбине”»¹⁰¹. Перед нами типичная биография русского эмигранта-интеллигента поколения, к которому принадлежит и сам автор.

Сюжет рассказа достаточно прост (для «числовской» прозы в целом характерно внимание к внутренним переживаниям, а не к внешним перипетиям): после опубликования в журнале автобиографического рассказа «На полях Галиции», повествующего, помимо прочего, о его первой любви, Нардов получает письмо от той самой женщины, в которую некогда был влюблен.

В своем рассказе Нардов утверждал, что не признался ей тогда в любви только потому, что «...в наши дни – сколько их, и когда им придет конец – говорить о себе, о личной жизни, о своей любви невыносимо. У нас нет и не может быть личной жизни. Бывают эпохи, когда их современники не имеют права на личную жизнь, и я нашел в себе силу промолчать»¹⁰².

При этом Александр Петрович сознавал, что такое утверждение будет не только напыщенно, но и лживо. Однако рассказ в такой форме, по его мнению, должен был быть признательно встречен читателями и принести автору известность.

И вот перед ним лежит «живая улика» – письмо, в котором женщина легко разоблачает ложь его пафосных утверждений. Для нее те несколько дней на фронте, что она провела рядом с Нардовым, остались самым светлым воспоминанием в ее

¹⁰¹ Демидов, И. Живая улика / И. Демидов // Числа. – Париж, 1933. – № 9. – С. 50.

¹⁰² Там же. – С. 50–51.

жизни. Противоречия рассуждениям писателя о том, что личная жизнь противостоит общественной, она вопрошает:

«Но разве любовь замыкает человека в личной жизни? А наоборот, не расширяет этой жизни до безграничности?.. И не думайте, что мое воскресение длилось, пока я не потеряла вас и не почувствовала, что это – навсегда; нет, я до сих пор живу воскресшей, т. е. не сломившейся, не засохшей, не обиженной и не несчастной. Личная любовь родила во мне силу любви, т. е. то, для чего только можно и стоит жить. Это – вечно, ни утратить нельзя, ни отнять не могут»¹⁰³.

Эти слова героини вызывают в душе Нардова перелом.

Он понимает, что женщина за все годы эмиграции, которые для него были связаны прежде всего с постепенным духовным умиранием, сумела сохранить в себе искренность и чистоту души благодаря одной только силе своей любви.

В ответном письме ей он признается, что намеренно солгал в своем рассказе, что личная жизнь никогда для него не стояла ниже общественной, и подробно описывает свое существование в эмиграции – пустое, грубое, разгульное, не имеющее смысла. Наказывая самого себя, лишая себя последнего утешения в жизни, он дает героине обещание никогда больше ничего не писать.

Одним из немногих авторов «Чисел», обращающихся в своей прозе к политической теме, является Ю. Фельзен. Но при этом в «Письмах о Лермонтове» его герой специально оговаривает, что само понятие любви стоит для него гораздо выше злободневных политических проблем, «потому что Россия и все в ней теперь происходящее – временное, личное, непрощаемое, а любовь, дружеская и любовная..., поэзия человеческих отношений – в этом какие-то бытие вечности, нам недоступной, но присутствующей и примиряющей»¹⁰⁴.

Герой Ю. Фельзена считает, что СССР обречен на идеологи-

ческое поражение потому, что вся идеология советского государства построена не на любви, а на ненависти: «...ведь без любви, до любви нет ни живой жизни, ни возможного ее оживления, а есть лишь поза и внутренняя риторика»¹⁰⁵.

С точки зрения героя, только молодое эмигрантское поколение, к которому он принадлежит, способно противостоять ненависти, культивируемой в Советском Союзе, именно потому, что оно может «с неприязательной искренностью – пускай без Бога и неба – любить, по-скромному, не отвлекаясь, искать и что в этих неразбрасывающихся своих поисках может оказаться оно удачливым»¹⁰⁶.

В «Возвращении» Ю. Фельзена герою приходится отстаивать свою точку зрения на «политику» в споре с неким молодым эмигрантом, для которого превыше всего стоит «простой здравый смысл». В конечном итоге оба персонажа остаются при своем мнении, будучи не в силах понять друг друга. Для оппонента героя главным критерием жизнеспособности государства является экономика; с этой сугубо материалистической точки зрения индустриальные успехи советского народа оцениваются им положительно. В свою очередь, герой, так же, как и персонаж «Писем о Лермонтове», оценивает прежде всего советскую идеологию. С его точки зрения, советское государство рано или поздно потерпит крах, поскольку лишено движущей силы любви.

Умение любить выступает здесь в качестве ключевой положительной характеристики персонажей. Это умение неразрывно связано с понятием о человечности. Так, один из героев «Шторма» Е. Бакуниной говорит о своей спутнице: «...она еще не человек, не доросла до любви»¹⁰⁷.

Как правило, главные герои прозы способны на горячее и пылкое любовное чувство, стремятся любить и, в свою очередь, жаждут чужой любви как спасения не только от одиночества и

¹⁰³ Демидов, И. Живая улика / И. Демидов // Числа. – Париж, 1933. – № 9. – С. 52–53.

¹⁰⁴ Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 77.

¹⁰⁵ Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 93.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Бакунина, Е. Шторм / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 95.

разобщения с миром, но и от смерти. При этом духовное одиночество персонажей во многом обусловлено тем, что близкие им люди любить не способны. Герои не встречают ожидаемого и соразмерного их чувству ответа. «Вероятно, не бывает большей любовной жестокости, чем это нечувствование, это отстранение любящего...»¹⁰⁸, – утверждает герой произведения Ю. Фельзена «Счастье».

Соответственно, любовные истории в прозе «Чисел» практически никогда не заканчиваются счастливо. Финал произведений, как правило, либо открыт, либо трагичен. Отсюда берет свое начало разочарование в любви как в «лекарстве от бед». Герой «Фотографий» С. Горного задается вопросами: «К чему же смерть? – Если вот, даже такая любовь не могла тебя удержать на земле... даже такая любовь, как же быть?»¹⁰⁹.

Ему вторит персонаж Л. Кельберина: «...и мне казалось, что, если лучшее чувство человека может быть так непонятно просто отвергнуто, если и оно ничего не может изменить, если только улетает к звездам, распыляется в пустоте, чернилами изливается на бумагу, то что еще остается, на что еще надеяться»¹¹⁰.

Чувство любви в прозе авторов «Чисел» неразрывно связано с чувством жалости. Любовь и жалость при этом выступают как два самых главных для человека чувства, неспособные существовать одно без другого. При этом, если тема любви трактуется авторами прозы более или менее в едином ключе, то жалость интерпретируется авторами по-разному и, соответственно, дает возможность по-разному оценивать характеры.

Жалость может мешать героям жить, затмевать более важные в иерархии их ценностей переживания. Так ее понимает, в частности, герой рассказа Л. Часинга «Операция». Ему неприятно думать о том, что любящая его женщина будет его жалеть,

¹⁰⁸ Фельзен, Ю. Счастье / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 107.

¹⁰⁹ Горный, С. Фотографии / С. Горный // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 56.

¹¹⁰ Кельберин, Л. Зеленый колокол / Л. Кельберин // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 83.

если он зайдет к ней и сообщит о своей болезни и грядущей операции.

Противна собственная жалость по отношению к мужу и дочери и героине «Тела» Е. Бакуниной. «Я почти ненавижу его [мужа. – Н. 3.] за свое отвратительное к нему милосердие, ослабляющую жалость, унижающее сострадание. Жалость вообще разъедает меня, как материнская любовь»¹¹¹, – говорит она. Жалость понимается героиней «Тела» не как высшее чувство, а, скорее, как реализация животных инстинктов. Соответственно, и носителем жалости, по ее мнению, является не душа, а вынесенное в заглавие произведения тело. Недаром героиня сравнивает замужнюю женщину с деревенской бабой, которая говорит не «люблю», а «жалею» – символом не духовной, а телесной жизни (показательно, что этот же пример был приведен С. Горным в его теоретической работе «Психология “Жалости”»).

Однако данные примеры остаются единичными. В произведениях большинства прозаиков «Чисел» – М. Агеева, Г. Адамовича, А. Бурова, В. Варшавского, Г. Газданова, М. Горлина, С. Горного, Г. Раевского, В. Самсонова, Ю. Фельзена, напротив, способность жалеть и принимать чужую жалость выступает мерой человечности.

Наиболее полно данная тема раскрыта в произведениях А. Бурова и Б. Поплавского. Два этих молодых автора сумели создать в прозе каждый свою своеобразную «философию жалости».

У А. Бурова она немногим отличается от традиционного иудеохристианского понимания жалости. Жалость к ближнему своему и проповедь этой жалости становится главной чертой буровского героя-резонера – Давида Бирнбаума из рассказа «С одинокими Господь». «Лирический человек» Бирнбаум – русский еврей, эмигрант, переживший за границей множество профессий, одинокий и несчастный в личной жизни, истово верующий в грядущее пришествие Мессии и тоскующий по родному Киеву, сходен с другими героями А. Бурова, но Бирнбаума

¹¹¹ Бакунина, Е. Тело (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 36.

отличает именно страстная проповедь жалости ко всем людям.

Достойными жалости Бирнбаума – жалости не показной, не ханжеской, а абсолютно искренней, идущей из глубины сердца, становятся и находящиеся в тюрьме эмигранты, и девушки, продающие себя богатым иностранцам, и вообще все человечество. «Другие, ведь, тоже люди. Всех жалко»¹¹², – бесхитростно говорит Бирнбаум, и эта наивная искренность в чем-то сродни и изречениям Платона Каратаева, и утешениям горьковского Луки.

С другой стороны, Бирнбаум не так уж простодушен. Он уже не просто «человек из народа», а интеллигент, достаточно образованный, начитанный, проникнутый идеями Гераклита о вечном движении мира, которые он применяет к эмигрантским скитаниям.

Страдать, с точки зрения Бирнбаума, вынуждены все. Это единая людская доля; а те, кому она не выпала на этом свете, непременно отмучаются, «отсидят свое» – в загробном мире. И все люди на земле, по его мнению, достойны жалости именно потому, что каждый из нас здесь или после смерти обречен на страдания.

Иначе рассматривает жалость Б. Поплавский в «Аполлоне Безобразове». В теоретических статьях он ставит способность испытывать жалость на первое место в своих требованиях к творческой личности, вместе с тем взгляды на жалость героев прозы Б. Поплавского во многом противоречивы.

Безобразов говорит о том, что деятельная жалость к конкретному человеку, которую проповедовал сам Б. Поплавский в своих теоретических работах, вообще оказывается ненужной: «Мы и они одно, кто себя не жалеет, может и других не жалеть»¹¹³. По мнению Безобразова, чем хуже человеку, чем ближе он к смерти, тем скорее он постигнет Истину. В связи с этим жалость к ближнему оказывается бесполезна.

С этой точки зрения, гораздо ближе к автору оказывается

¹¹² Буров, А. С одинокими Господь / А. Буров // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 100.

¹¹³ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 100.

герой-повествователь, который, в отличие от Безобразова, верит в то, что «цель мира заключается в счастье людей»¹¹⁴. Подобно Ивану Карамазову, он не способен принять этот мир, если в нем страдают маленькие и слабые. Возлюбленная Безобразова, Тереза, оказывается духовно близка герою именно потому, что в ней «...была все та же неизменная с гимназических лет, страшная унижительная тоска, ни о чем, ах если бы знать о чем, о жизни, нет не о жизни. О счастье? Нет, не о счастье. Бог с ним, со счастьем, о женщинах? женщин настоящих нет, думал я, о жалости? да, о жалости, которая есть жизнь, счастье и женщина, с которою погибнуть стоящее, чем без нее победить»¹¹⁵.

Способностью к жалости наделены и персонажи эпизодические, но описанные автором с большой любовью и наблюдательностью, в частности, разговаривающие на эмигрантском балу русские таксисты. Им жалко своих пассажиров – таких же, как и они, бедных эмигрантов: жалко таксиста Тишку Богомилова, лишенного прав за то, что пожалел жулика и укрыл от полиции, жалко, наконец, и самого преступника: «Жулика, конечно, каждому русскому жалко»¹¹⁶.

В прозе Б. Поплавского в «Числах» есть даже своеобразное восхваление жалости, напоминающее религиозный гимн, правда, с неким оттенком так характерного для «Чисел» физиологизма:

«О жалость к низшей жизни, жалость к глазам, которым больно от мелких букв. Жалость к сердцу, которому трудно подниматься по лестнице и оно жалобно стучит, как матрос в железную стену. ...жалость к мозгу, которому хочется развлечений, жалость к губам, которые ищут прикосновений, жалость к дьяволу, тоскующему в костях; о жалость к половому члену»¹¹⁷.

¹¹⁴ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 100.

¹¹⁵ Поплавский, Б. Бал / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 144.

¹¹⁶ Там же. – С. 136.

¹¹⁷ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 80.

Литература:

1. Агеносов, В. В. Литература русского зарубежья (1918–1990) / В. В. Агеносов. – М.: Терра, Спорт, 1998. – 544 с.
2. Азаров, Ю. А. Диалог поверх барьеров / Ю. А. Азаров. – М.: Совпадение, 2005. – 335 с.
3. Барковская, Н. В. Литература русского зарубежья (Первая волна): учеб. пособие / Н. В. Барковская. – Екатеринбург: изд-во АМБ, 2001 – 155 с.
4. Газданов и мировая культура: сборник статей / ред. и сост. Л. В. Сыроватко. – Калининград: ГП «КГТ», 2000. – 238 с.
5. Гайто Газданов в контексте русской и европейской культуры: сборник научных статей / ред. и сост. А. Г. Черчесов. – Владикавказ: Владикавказ. книж. изд-во, 1999. – 220 с.
6. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учеб. пособие для студ., аспирант., преп.-филол. / В. В. Заманская. – М.: Флинта, 2002. – 304 с.
7. Катарсонов, В. Философская феноменология, экзистенциализм, христианство / В. Катарсонов. – М.: Познание, 2018. – 240 с.
8. Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940 / РАН, под общ. ред.: Е. П. Чельшева, Д. М. Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – 520 с.
9. Мескин, В. А. История русской литературы XX–XXI веков: учебник и практикум / В. А. Мескин. – М.: Юрайт, 2019. – 414 с.
10. Раев, М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. И. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.
11. Рябов, П. В. Экзистенциализм. Период становления / П. В. Рябов. – М.: Рипол-Классик, 2019. – 463 с.
12. Чагин, А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века / А. И. Чагин. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 600 с.

Контрольные вопросы:

1. Охарактеризуйте отношения главных героев прозы «Чисел» с другими людьми. Одиноки они или счастливы в обществе?
2. Каким образом герои прозы пытаются преодолеть свою отверженность?
3. Какое чувство способно, по мнению персонажей прозы

«Чисел», разрушить незримую стену между ними и другими людьми? Оправдываются ли эти ожидания?

4. Кто из авторов-теоретиков журнала в своей статье «Вокруг “Чисел”» развивает мысль о том, что для эмигранта Россия воплощается в русской женщине?

5. В каких прозаических произведениях «Чисел» герои обожествляют своих возлюбленных? Назовите авторов этих произведений.

6. Название какой повести В. Варшавского содержит отсылку к творчеству А. С. Пушкина и одновременно символически характеризует поколение героя?

7. В творчестве какого из прозаиков «Чисел» наиболее развита «философия любви»?

8. Присутствует ли в прозе «Чисел» политическая тема?

9. Какой рассказ, помещенный в девятом номере «Чисел», целиком посвящен вопросу о соотношении личного и общественного в жизни героя? Назовите его автора.

10. Чем заканчивается большинство любовных историй героев «числовской» прозы?

11. Одинаковы или различны трактовки чувства жалости в произведениях авторов «Чисел»? Ответ аргументируйте.

12. В творчестве какого из авторов «Чисел» жалость мешает героям жить, затмевая другие чувства?

13. Какие трактовки жалости как философской категории присутствуют в прозе Б. Поплавского?

14. В творчестве кого из авторов «Чисел» способность жалеть и принимать чужую жалость выступает мерой человечности?

15. Какие из молодых прозаиков «Чисел» создают в своей прозе полноценные философские концепции жалости?

16. Почему, с точки зрения Давида Бирнбаума, героя рассказа А. Букова «С одинокими Господь», все люди на земле достойны жалости?

17. В прозе кого из молодых авторов «Чисел» можно встретить своеобразный модернистский гимн жалости?

18. Как трактуется жалость в прозе М. Агеева, Г. Адамовича, Е. Бакуниной, В. Варшавского, Г. Газданова, М. Горлина, С. Горного, Г. Раевского, В. Самсонова, Ю. Фельзена, Л. Часинга (по выбору)?

6. ТЕМА СМЕРТИ В ПРОЗЕ «ЧИСЕЛ»: МНОГООБРАЗИЕ ТРАКТОВОК

Тема смерти наряду с темами любви и жалости является одной из основных в прозе «Чисел». Мы можем выделить несколько наиболее характерных для «Чисел» трактовок данной темы.

В прозе А. Букова, В. Варшавского, Г. Газданова, С. Горного, Л. Кельберина, А. Ладинского, Ю. Фельзена, Л. Часинга смерть предстает как главная несправедливость. Как правило, такой взгляд на смерть связан с уже упоминавшимся нами разочарованием авторов (и героев) прозы в религии и возможности посмертного бытия.

С такой точки зрения, в самом земном существовании не оказывается никакого смысла; единственное, что остается после человека, – это память, но и она недолговечна. В связи с трагической разобщенностью героя с другими людьми о нем после смерти никто не вспомнит. В крайнем случае, память о человеке просуществует до тех пор, пока не умрут и ее носители. Эта мысль о недолговечности воспоминаний прослеживается в таких произведениях, как «Из записок бесстыдного молодого человека» В. Варшавского, «Отрывок» С. Горного, «Зеленый колокол» Л. Кельберина и др.

Так, в частности, герой произведения В. Варшавского жалуется на бессилие собственной памяти:

«Все... в моей жизни мне кажется давно и невозвратно переставшим быть, как будто бы потонувшим в каком-то колеблющемся меркнувшем пространстве, из которого ничто не возвращается, которого нет и которое называют прошлым...

И я не могу ничего вспомнить, сделать живым в настоящем. Даже забыт уже вчерашний день. В самом деле, что же было вчера?»¹¹⁸.

¹¹⁸ Варшавский, В. Из записок бесстыдного молодого человека / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 55.

Наиболее ярко и полно мысль о несправедливости смерти и, соответственно, всего мира, в котором существует смерть, выражена в прозе С. Горного. Его произведения «Фотографии», «Три отрывка», «Отрывок» органично связаны между собой темами смерти и памяти. «Фотографии» и «Три отрывка» посвящены смерти близких и знакомых автору людей, «Отрывок» – размышлениям героя на тему собственной смерти.

Поскольку герой не верит в возможность какого-либо загробного существования, смерть воспринимается им как «окончательный финал» жизни. В его восприятии она предстает чем-то совершенно непостижимым, непознаваемым и в связи с этим ужасным:

«...мы... не понимали: вот был – и нет. Как это – нет?.. Вот лицо, костистое, орлиное, гордое: “не хочу умирать”, и вот смерть. Что это такое “смерть”?»¹¹⁹.

Особенным ужасом наполняет героя С. Горного то, что смерть человека практически ничего не меняет в окружающем мире:

«...и ничего. Не загудел над землею какой-то черный смерч. Не остановился никто – ни здесь, ни в Калифорнии, ни в Колорадо – не подумал в ужасе:

– Боря умер»¹²⁰.

Героя неимоверно страшит мысль о конечности собственной жизни. Даже при взгляде на обычный немецкий магазинчик он думает лишь о том, что останется после него на свете:

«Неужели так-таки все будет там совершенно одинаково независимо от того, тут я или меня совсем нет... Просто ничего не будет. Как было при мне, так будет без всякого различия и без меня... вообще никого это не заденет. Одного только: – Меня самого. Только»¹²¹.

В отсутствии всеблагого Бога в этом страшном для него мире,

¹¹⁹ Горный, С. Фотографии / С. Горный // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 53.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Горный, С. Отрывок / С. Горный // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 78–79.

в котором царит смерть, оказывается глупой наивная надежда на чудо и воскрешение умерших, и героев мучит экзистенциальный страх перед кончиной.

Однако в отдельных случаях «пограничная ситуация» умирания способна породить в персонажах отчаянную отвагу прыжка в бесконечность, как, например, у Г. Газданова в «Водяной тюрьме», у А. Ладинского в «Как дым», у Л. Часинга в «Операции».

Пожалуй, наиболее полно данная мысль выражена в рассказе Л. Часинга «Операция». Сюжет рассказа крайне прост: эмигрант Морозов ложится на операцию в больницу, где и умирает. Сам Морозов практически ничем не отличается от множества таких же, как он, обывателей-эмигрантов: он живет на съемной квартире, стеснен в средствах, плохо питается. Наслаждаться жизнью Морозову мешает и его тяжелая болезнь.

Но в центре внимания автора оказываются не внешние перипетии, а особенности внутренней жизни героя. Мучаясь от одиночества, он, однако, не хочет сближаться с другими людьми – любое общение для него трудно. Однако, оказавшись в больнице и пережив труднейшую операцию, понимая, что он в любой момент может умереть, Морозов начинает по-иному смотреть на мир. Очнувшись после тяжелого наркоза, герой Л. Часинга ощущает себя обновленным; он чувствует «удивительную и легкую радость»¹²², «светлое, примиряющее спокойствие»¹²³. Он по-новому видит свое прошлое, вспоминая только счастливые моменты. Морозов радуется любви и материнской заботливости девушки, пришедшей навестить его, и сам начинает испытывать любовь к ней и жалость к ухаживающей за ним сиделке.

Морозов самостоятельно выводит «закон жизни» – когда человеком правит брэнное тело, обреченное на смерть, он крайне редко способен подняться духом выше нужд этого тела. И только на грани смерти, по мысли Морозова, возможна истинно духовная жизнь:

«Сколько раз, вместо того, чтобы пойти к хорошим, близким

людям, я оставался в своем отеле, потому что тело требовало отдыха... Сколько раз я засыпал над прекрасной книгой... потому что надо было сберегать силы на завтрашнюю работу, экономить деньги на сытный обед»¹²⁴.

У некоторых авторов, например, у А. Алферова («Море»), Е. Бакуниной («Тело»), А. Бурова («С одинокими Господь»), В. Яновского («Тринадцатые») смерть описывается вне ее философского осмысления – как элемент рутины жизни, как повседневная составляющая бытия, печальное завершение эмигрантской жизни. Персонажи перечисленных произведений относятся к смерти подчеркнуто равнодушно, как к чему-то очень естественному.

Наиболее характерным из таких произведений можно назвать рассказ о жизни эмигрантов «Тринадцатые» В. Яновского. Смерть в «Тринадцатых» описана как часть реальности «зарубежной России» – наряду с проституцией, сумасшествием, болезнями и т. д.:

«Свистел городской возле окровавленной проститутки; хрипло кричал возчик над павшей лошастью... И меж ними: меж конями и громадами грузовиков, торопливо скользил, извивался затесавшийся катафалк, выбиваясь за город»¹²⁵.

В большом городе параллельно с жизнью главных героев развивается множество схожих сюжетов, так или иначе связанных со смертью:

«Весной у этих ворот дежурила женщина в платке. Она стояла, как часовой, небрежно отставив ногу, днем и ночью на посту; гордо мерцая стройной фигурой на темном фоне каменных плит... И однажды вечером она упала, а черная лужица крови собралась на камнях. И... двое городских отвезли ее на пролетке. До последней минуты была она на посту; а потом упала и умерла...»¹²⁶.

¹²⁴ Часинг, Л. Операция / Л. Часинг // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 98–99.

¹²⁵ Яновский, В. С. Тринадцатые / В. С. Яновский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 129.

¹²⁶ Там же. – С. 134.

¹²² Часинг, Л. Операция / Л. Часинг // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 94.

¹²³ Там же.

«...На шестом этаже жила девушка. Она была в белом, и пела: "Мне так хочется глупенькой сказки"... И однажды ее снесли по этой лестнице, посиневшую, и похоронили.

...Как-то с низов понаехали купцы. Они всю ночь пировали. А когда назавтра ворвались в смолкнувший номер, то нашли их мертвыми за наполненными стаканами. Клубились в номере облака светильного газа...»¹²⁷.

«...за тем столиком сидел человек в смокинге; припоминал, что год тому, в тот же вечер, он сидел с одной дамой. У нее был грудной смех... а сейчас он пьет, потому, что одинок!.. А потом вынул острый ножик, как булавка, и закололся»¹²⁸.

Неудивительно, что и сами герои произведения – русская проститутка и ее муж, бывший офицер, вынужденный помогать жене в ее «ремесле», приходят к самоубийству. Для главных героев «Тринадцатых» такой финал оказывается лишь закономерным итогом всего их существования.

«Ну что ж: жизнь!»¹²⁹, – повторяет офицер, жестоко избивая жену. Те же слова говорит себе проститутка перед самоубийством. Это всего лишь обыденная, повседневная жизнь эмигрантов, плавно переходящая в такую же повседневную смерть.

В художественной прозе, как и в теоретических рассуждениях, Б. Поплавский выражает особое отношение к смерти. В своих статьях и рецензиях Б. Поплавский рассматривал смерть как желанный выход из оков действительности. Так же понимается смерть и героями «Аполлона Безобразова».

«В детстве я часто засыпал посередине молитвы, как хорошо было бы мне тогда умереть посередине сна»¹³⁰, – говорит главный герой. «Самое лучшее это вам умереть»¹³¹, – говорит Аполлон Безобразов Терезе, а главный герой воспринимает эту

¹²⁷ Яновский, В. С. Тринадцатые / В. С. Яновский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 135.

¹²⁸ Там же. – С. 145.

¹²⁹ Там же. – С. 143.

¹³⁰ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 101.

¹³¹ Там же. – С. 107.

фразу как одну из лучших, слышанных им за всю жизнь. О самоубийстве говорит сама Тереза; попытку совершить его (руками Терезы) делает Безобразов.

Произведение пронизано символикой смерти. Тереза любит цветы, «...которые в России ставили в комнатах покойников»¹³², и неживую, механическую музыку, которую, по ее словам, пишут гениальные, но непонятые миром, спившиеся и погибшие композиторы. Безобразов раскатывает по городу в такси в обществе человеческого скелета, который потом там и оставляет, и спит в «полке для коллекций», похожей на деревянный гроб. Смерть окружает героев повсюду: она таится в старинных часовнях со стенами из человеческих костей, в медленно умирающих в оранжерее растениях, в провожающем героев в очередное путешествие «похоронном» пении... Смерть разлита в самом мире, описываемом Б. Поплавским:

«...и пахнут акации тяжелым и сладким трупным запахом»¹³³;

«...кажется начинало темнеть, у потолка медленно накапливались опаловые слои папиросного дыма, похожие на долгие предсмертные размышления подростков, угасающих от туберкулеза в этих огромных саркофагах из гнилого дерева»¹³⁴;

«...лето уже прошло. Оно клонилось к смерти, как клонятся ко сну могущественные императоры среди великолепия своих пиров»¹³⁵.

Пожалуй, наиболее четко мысль о желанности смерти выражена в словах Аполлона Безобразова, обращенных к герою-повествователю:

«– Знаете ли вы, что Лазарь сказал, когда Христос его воскресил?.. Он сказал "merde"...

Да, видите ли, представьте себе, что вы порядком намучились за день, устали, как сукин сын, и только что вы освободились от

¹³² Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 107.

¹³³ Там же. – С. 86.

¹³⁴ Там же. – С. 98.

¹³⁵ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 83.

бед, только что вы задремали, закрывши голову одеялом, как вдруг грубая рука трясет вас за плечо, и голос кричит "вставай".

И вам, слипшимися глазами смотрящему на отвратительный свет, что другое придет вам в голову сказать безжалостному учителю, как не это – "merde"?»¹³⁶.

Неудивительно, что он сам просит окружающих (прежде всего, Терезу) о помощи в совершении самоубийства.

Для русского зарубежья 1930-х годов был особенно актуален вопрос о духовной смерти изгнанников по причине отрыва от «почвы», от русской культуры. В прозе «Чисел» к теме духовной смерти обращаются А. Алферов, Е. Бакунина, А. Буров, Б. Буткевич, В. Варшавский, Г. Газданов, Л. Кельберин, Ю. Фельзен, Л. Часинг, В. Яновский. Всеми ими духовное обнищание, сведение жизни к удовлетворению потребностей тела отмечается как факт эмигрантской жизни. Показательна цитата из «Зеленого колокола» Л. Кельберина, характеризующая жизнь обывателей «зарубежной России»:

«Пьют, едят, спят, делают детей, потому что не могут иначе, делают деньги, потому что хотят быть счастливыми, ссорятся, мирятся, стареют, еще читают газеты... Что еще? Умирают, забывают. Так тесно живут, а могут, все-таки, жить один без другого; так близко от меня, а если бы меня вовсе не было, им бы это не помешало. Никому не помешало бы»¹³⁷.

Об этом же пишет и А. Алферов в своем рассказе «Дурачье»:

«Скучно в нашем пригороде и пусто – до тоски. Даже этот суррогат времени, что остается после работы, вымученный десятичасовым трудом, обескровленный и безвкусный, как спитой чай – мне в тягость. Хочется все думать, думать... а думать не о чем: от жизни ТОШНИТ»¹³⁸.

«...мне кажется, что мое сознание засыпает, что мои мысли

¹³⁶ Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 107.

¹³⁷ Кельберин, Л. Зеленый колокол / Л. Кельберин // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 84.

¹³⁸ Алферов, А. Дурачье / А. Алферов // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 28.

не становятся ясными и не доходят до конца. Они как будто бы останавливаются и бьются о какую-то стену. Еще я думаю, что если бы у меня был более высокий лоб, мне было бы легче думать, я не так быстро бы уставал. Как всегда, за этим приходит страх потерять ощущение реальности»¹³⁹, – утверждает героиня произведения В. Варшавского «Из записок бесстыдного молодого человека».

С. Шаршун так характеризует героиню своего романа «Долголиков»:

«В ее жизни – "ничего не изменилось" – жизни у нее не было: была лишь – "несмерть"... Автоматически, безучастно она: стояла на ногах или спала, дышала, ела»¹⁴⁰.

Им вторит А. Буров, говоря в своих произведениях уже не столько об отдельных персонажах, сколько обо всей эмигрантской диаспоре, отмечая так характерное для нее состояние «духовной дряхлости»:

«Подкрадывающиеся, повседневные, к ночи созревающие, вопросы и сомнения духа, растерянность, безнадежность, – смущают, замедляют бег и тщетно стучатся в усталую голову. Голова же так устала, так за день, за вчера, сегодня и завтра, высохла, что только и способна еще, опрокинутая, затуманенная, с отяжелевшим и мутным взором, искать в надвигающейся дремоте какой-то опоры, ответа, лампы... Человек уснул. Человек оборвался. Его больше нет. Так дни, месяцы, годы...»¹⁴¹.

«Все мы становимся все мельче и мельче... Приходят, уходят, точно исчезают вдруг "духовные личности", тянет отовсюду "духовной дряхлостью"... И все мы теперь не внутри больше, а около... И исчезает во вселенной духовная личность...»¹⁴².

Мы видим, что духовная смерть связывается не только с

¹³⁹ Варшавский, В. Из записок бесстыдного молодого человека / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 61.

¹⁴⁰ Шаршун, С. Путь правый (отрывки из романа) / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 116–117.

¹⁴¹ Буров, А. Была земля / А. Буров // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 46.

¹⁴² Буров, А. С одинокими Господь / А. Буров // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 110.

тяжелейшими материальными условиями, в которых находились эмигранты, но и с потерей ими идеалов, верований, смысла жизни, какой-либо цели, к которой необходимо стремиться; она может быть вызвана и личными переживаниями, но лишь в определенной степени.

Так, Вильгельм Гуськов, главный герой «Уединения и праздности» В. Варшавского, после разрыва с любимой девушкой обнаруживает, что «ему не о чем... думать», «ему стало трудно думать»¹⁴³. Но нежелание и невозможность умственного труда, овладевшие Вильгельмом, связаны не только и не столько с этим разрывом. Вильгельм выступает как типичный представитель своего эмигрантского поколения – разочаровавшийся в людях, с которыми он не умеет общаться, и в жизни, которую он почти не знает.

Показателен в этом отношении воображаемый монолог Вильгельма с неким обывателем – случайно увиденным «господином в подтяжках». Этот безымянный господин воплощает в себе печальную действительность, которой так боятся интеллигентные и творческие личности – герои прозы «Чисел». Перед нами предстает человек, в котором духовное начало уже давно умерло, стремление к высшим ценностям исчезло, заменившись тягой к материальному, – своеобразный «антидвойник» героя. В полной уверенности в своей правоте он говорит Вильгельму:

«А вы, молодой человек, с вашей тоской по “потерянному раю”, собственно никому не нужны.

...Бросьте эти ваши мечтания, романчики и стишки. Жрать ведь и вам хочется»¹⁴⁴.

В словах этого господина: «Некогда мне видеть небо, мне нужно семью прокормить, я делом занят»¹⁴⁵, в его утверждении, что Вильгельм, не «занимаясь делом», непременно погибнет, безусловно, есть некая правда, и сам Гуськов сознает это. Но правда эта страшна для него, и Вильгельм готов скорее принять

¹⁴³ Варшавский, В. Уединение и праздность / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 55.

¹⁴⁴ Там же. – С. 75.

¹⁴⁵ Там же.

физическую смерть, чем духовную. Эта черта характеризует большинство героев прозы «Чисел», сталкивающихся с проблемой духовной смерти.

Точно такая же ситуация возникает в рассказе Н. Татищева «Кривой». Герой, человек высокодуховный, хотя и ведущий (со знанием) нищенское существование, сталкивается со своим антагонистом, в роли которого выступает его двоюродный брат Жорж. Практически вторя «господину в подтяжках», он утверждает:

«...ведь всякий человек хочет жить прилично, даже святой, не так ли...»¹⁴⁶.

Не желая и не умея спорить с Жоржем, герой сбегает из его роскошного дома; так же, как Вильгельм, он выбирает не материальные, но духовные ценности.

Еще один схожий диалог героя с обывателем описан в повести А. Букова «Была земля». Здесь в качестве антагониста героя, профессора Стратонова, выступает его бывший камердинер Фритц. В эмиграции персонажи парадоксально «поменялись ролями»: теперь Фритц благоденствует, он «сумел устроиться», а профессор, бывший в России видным общественным деятелем и ученым, вынужден вести нищенское существование. На вопрос профессора о том, есть ли у любимой им партии «нацистов» лозунги, Фритц отвечает:

«– Лозунг, говорите ваше высокопревосходительство?.. А что на него купишь?.. Оно конечно хорошо, когда человек и с лозунгами ходит... Но спервоначалу надо человеку теплый угол, и пальтишко от зимы, и два кило хлеба в день...»¹⁴⁷.

Герой рассказа А. Алферова «Дурачье» эмигрант Хлыстов предпочитает покончить с собой, лишь бы только не поддаться духовному обнищанию, не превратиться в «маленького, жалкого,

¹⁴⁶ Татищев, Н. Кривой / Н. Татищев // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 163.

¹⁴⁷ Буков, А. Была земля / А. Буков // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 67.

уязвленного человека – обывателя»¹⁴⁸. Близок к мысли об этом и герой-повествователь, фактически двойник Хлыстова, видящий его отражение в зеркале. Он восклицает, ужасаясь судьбе людей, которых настигла духовная смерть:

«Какая досада, какая тупая, смертная тоска наблюдать за всеми этими людьми! Пусть это только осколок целого, пыль эпохи, кривая усмешка жизни – но ведь это ж люди, ведь это ж РУСКИЕ, ведь это ж мы?!

Бежать от них! Но от них не убежишь... Бороться с ними! Но как бить лежащего?.. Их презирать! Но они же любят меня, они – повсюду со мною, они – во мне, они, это – я!»¹⁴⁹.

С другой стороны, некоторые из героев прозы, казалось бы, парадоксально стремятся к духовной смерти, например, тот же профессор Стратонов, которому «...думы причиняли боль...

И Стратонов изобрел, как ему казалось, чудесный способ – не останавливаться на воспоминаниях, причиняющих нестерпимую, жгучую боль, обиду... Способ этот знаменитый состоял в том, что Стратонов в такие минуты скорби просто умирал, продолжая механически жить, механически погружаясь, автоматически останавливая свой взгляд на случайном газовом фонаре, на автомобильной цветной рекламе, на плавно пробирающемся трамвае, на сфинксе на мосту, на тихой студеной воде в каналах...»¹⁵⁰.

Одна из самых страшных картин духовной смерти в «Числах» показана в «Теле» Е. Бакуниной. Героиня этого символически названного произведения живет в тяжелейших бытовых условиях эмиграции рядом с нелюбимым мужем и равнодушной ко всему дочерью. Она сама отмечает свою постепенную деградацию, утрату интереса к литературе, искусству, говоря:

«...я не читаю ничего кроме литературной дребедени, случайно попадающей в руки. Я даже не успела переварить тот

¹⁴⁸ Алферов, А. Дурачье / А. Алферов // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 28.

¹⁴⁹ Там же. – С. 33.

¹⁵⁰ Буров, А. Была земля / А. Буров // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 31.

запас знаний, какой приобретался из своеобразного снобизма – моды на науку – существовавшего в России. Уродливый послереволюционный быт в корне подсек всякого рода снобизм. И вот я тычусь своим умом, как слепой котенок мордой, в непонятное, темное, неизвестное. Иногда набиваю шишки. Мудрые же путеводные книги мне недоступны. Даже в газете я пропускаю первые две страницы и перехожу к происшествиям и фельетонному роману»¹⁵¹.

При этом дочь героини, Вера, на которую обращена вся ее любовь, представляет собой полного антипода матери, человека с изначально мертвой душой. Для Веры, заботящейся только о своем теле, жизнь проста и понятна.

«Любить можно только богатого. Я выйду замуж за инженера, хоть какого угодно уroda, только чтобы много зарабатывал. У меня будет шикарная квартира и автомобиль...»¹⁵², – говорит она.

В таких условиях сама героиня все больше приближается к окончательной духовной смерти, единственной альтернативой которой ей видится смерть физическая. При этом постоянно подчеркивается ее внутреннее родство с другими эмигрантками, дающее понять, что проблема ее – не исключение, а, скорее, ужасное правило этой жизни:

«Вот также точно как я (а, говорят, я – неповторимо), по отелям и по квартирам, из угла в угол, изо дня в день. Тождество сомнамбул. Сон, от которого никак не проснешься. Мне кажется страшно смотреть на меня (и на них) со стороны. Молчаливая или тихо бормочущая сама с собой тень»¹⁵³.

«...скупые обрывки моих мыслей от воспоминаний, романов и ужасов неизменно возвращаются в круг домашних дел: как бы не опоздать к сроку, а то больше не дадут работы, да хватит ли заплатить за газ, да сколько привезет Михаил Сергеич,

¹⁵¹ Бакунина, Е. Тело (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 41.

¹⁵² Бакунина, Е. Тело (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 44.

¹⁵³ Там же. – С. 39.

да не пора ли опять стирать... Точно такие мысли там, по углам, у других...»¹⁵⁴.

Однако духовная смерть не способна дать героям успокоения, хотя бы потому, что она для них никогда не является окончательной. Интеллигентное начало всегда мучительно борется в этих героях с осознаваемой ими тенденцией к деградации.

Для того же Стратонова в эмиграции наступает период полнейшего разочарования в своих бывших политических идеалах, так неожиданно потерпевших крах, и вместе с тем время напряженных поисков каких-либо средств к существованию. Но и, снимаясь в кино в «роли» мертвеца и разнося по русским семьям дешевые продукты, совершая таким образом духовное самоубийство – «чисто русское хакири»¹⁵⁵, Стратонов все равно остается русским интеллигентом, он не в силах убить в себе творческое, духовное начало.

Литература:

1. Больнов, О. Отто Фридрих. Философия экзистенциализма: философия существования / О. Больнов. – СПб. : Лань, 1999. – 222 с.
2. Вильданова, Р. И. Краткий биографический словарь русского зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский // Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья. – Париж : Ymca-Press ; М. : Русский путь, 1996. – 448 с.
3. Возвращение Гайто Газданова: научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения / сост. М. А. Васильева. – М. : Русский путь, 2000. – 308 с.
4. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий : учеб. пособие для студ., аспирант., преп.-фил. / В. В. Заманская. – М. : Флинта, 2002. – 304 с.

¹⁵⁴ Бакунина, Е. Тело (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 45.

¹⁵⁵ Буров, А. Была земля / А. Буров // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 38.

5. Кодзис, Б. Литературные центры русского зарубежья. 1918–1939 / Б. Кодзис. – Мюнхен : Sagner, 2002. – 318 с.
6. Коссак, Е. Экзистенциализм в философии и литературе / Е. Коссак ; пер. с польск. – М. : Политиздат, 1980. – 360 с.
7. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / отв. ред. О. Н. Михайлов. – Вып. 1. – М. : Наследие ; Наука, 1993. – 332 с.
8. Менегальдо, Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского / Е. Менегальдо. – СПб. : Алетейя, 2007. – 268 с.
9. Раев, М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. И. Раев. – М. : Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.
10. Соколов, А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А. Г. Соколов. – М. : изд-во МГУ, 1991. – 184 с.

Контрольные вопросы:

1. Какую роль играет тема смерти в прозе «Чисел»?
2. Одинаковы или различны трактовки смерти в произведениях авторов «Чисел»? Ответ обоснуйте.
3. В творчестве каких прозаиков «Чисел» смерть предстает как главная несправедливость бытия? К какому литературному поколению принадлежат эти авторы?
4. В каких прозаических произведениях на страницах журнала «Числа» тема смерти органически связана с темой памяти? Назовите их авторов.
5. В прозе какого автора «Чисел» наиболее полно выражена мысль о несправедливости смерти?
6. В произведениях каких прозаиков «Чисел» присутствуют экзистенциальные мотивы, связанные с темой смерти (пограничная ситуация, прыжок в бесконечность)? Перечислите эти произведения.
7. В прозе кого из авторов «Чисел» смерть описывается вне ее философского осмысления, как повседневная составляющая бытия?
8. Кто из прозаиков «Чисел» трактует смерть как желанный выход из оков действительности?
9. Назовите авторов журнала «Числа», обращавшихся в своей прозе к теме духовной смерти человека в эмиграции.
10. Возможна ли окончательная духовная смерть для главных героев прозы «Чисел»? С чем это связано?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы видим, в полном соответствии с установками теоретиков «Чисел» (З. Гиппиус, Н. Оцупа, Б. Поплавского и других) авторы прозы в своих произведениях стремятся к отражению всей полноты бытия со всей его противоречивостью.

При этом их произведения отнюдь не обязательно являются реалистическими по способу отображения действительности. В своем творчестве авторы «Чисел», в частности Г. Адамович, С. Шаршун, Б. Поплавский, используют такую присущую модернизму форму повествования, как поток сознания, позволяющую описать не внешнюю, но внутреннюю, психическую реальность героев.

В центре произведения становится личность, все прочее должно рассматриваться через ее призму. Утверждая внимание к частной жизни человека, представители среднего и молодого поколений декларируют расширение спектра тем за счет «открытия тайников подсознания». Доступными становятся темы половой близости, физиологических отклонений и так далее. Желание передать всю полноту действительности реализуется в установке авторов прозы «Чисел» на ее максимальную искренность, на отсутствие каких бы то ни было умолчаний.

Авторы «Чисел» не уделяют большого внимания эмиграции как общественно-политическому явлению, их интересует прежде всего отдельная личность, индивидуальная трагедия каждого эмигранта. В этой позиции, безусловно, сказались обстоятельства судеб самих авторов. Так, в отличие от других эмигрантских изданий, «Числа» предоставили возможность литераторам, особенно молодым, говорить больше не о политике, а о личной жизни человека.

Отсюда появляется «дневниковое», исповедальное начало: повествование от первого лица, использование формы дневника (М. Агеев) или писем (И. Демидов, Ю. Фельзен). Герой прозы «Чисел», как правило, предельно приближен к автору, являясь его своеобразным альтер эго. Как и автор, он принадлежит к эмигрантской диаспоре и чаще всего к молодому поколению. Он обычно разочарован в христианской религии и ищет в связи с этим истину в других религиях (индуизм, манихейство) или становится религиозным эклектиком.

Одной из основных тем художественной прозы на страницах журнала «Числа» становится тема смерти. В числе наиболее характерных ее трактовок можно выделить понимание смерти как «главной несправедливости» жизни, как эмигрантской реальности, как желанного выхода из оков действительности, а также их обращение к теме духовной смерти человека в эмиграции.

Осознание смерти как несправедливости, страх перед ней связаны прежде всего с характерной для прозы «Чисел» разуженностью героев в религии, в возможности посмертного бытия. Однако в отдельных случаях пребывание на грани смерти осмысливается героями как своего рода «пограничная ситуация», дающая герою возможность познать себя, порождающая в нем отчаянную отвагу прыжка в бесконечность. Такое понимание смерти дает возможность говорить об экзистенциальных мотивах в прозе «Чисел».

Помимо темы смерти, для прозы «Чисел» характерны тесно связанные друг с другом темы любви и жалости. Любовь чаще всего представляется как метафизическое средство от одиночества или гибели. В этом отношении половая любовь к конкретному человеку в представлении авторов «Чисел» способна преобразить его внутренний мир, вывести его на другой уровень познания истины, дать ощущение желанного слияния со всем миром.

Подобная любовь совсем не обязательно должна быть взаимной; более того, возможность такого преобразования способны дать даже не сама любовь, а лишь воспоминания о ней.

Любовь и жалость в прозе «Чисел» часто выступают в едином ассоциативном ряду как два самых главных для человека чувства. Через жалость, как и через любовь, герой познает мир, но если любовь дает возможность прикоснуться к радостной полноте бытия, то жалость к людям герой испытывает, напротив, осознавая всю трагичность жизни.

Как правило, именно способность любить (и жалеть) отличает главного героя от окружающих; часто его одиночество и трагичность любовных отношений связаны как раз с тем, что близкие ему люди неспособны испытывать эти чувства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Художественная проза, опубликованная в журнале «Числа»*

1. Агеев, М. Повесть с кокаином / М. Агеев // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 31–69.
2. Адамович, Г. Рамон Ортис / Г. Адамович // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 32–43.
3. Алферов, А. Море / А. Алферов // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 70–79.
4. Бакунина, Е. Тело (введение в роман) / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 34–50.
5. Бакунина, Е. Шторм / Е. Бакунина // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 80–95.
6. Буров, А. Была земля / А. Буров // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 44–46.
7. Буров, А. Была земля / А. Буров // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 27–50.
8. Буров, А. Была земля / А. Буров // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 51–81.
9. Буров, А. С одинокими Господь / А. Буров // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 96–125.
10. Варшавский, В. Из записок бесстыдного молодого человека (оптимистический рассказ) / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 55–70.
11. Варшавский, В. Уединение и праздность / В. Варшавский // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 51–76.
12. Газданов, Г. Водяная тюрьма / Г. Газданов // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 29–47.

* Перечислены только упомянутые в тексте пособия произведения.

13. Газданов, Г. Мэтр Рай / Г. Газданов // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 64–79.
14. Гингер, А. Вечер на вокзале / А. Гингер // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 71–83.
15. Горлин, М. Нервы / М. Горлин // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 126–132.
16. Горный, С. Отрывок / С. Горный // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 77–82.
17. Горный, С. Три отрывка / С. Горный // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 28–42.
18. Горный, С. Фотографии / С. Горный // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 48–56.
19. Демидов, И. Живая улика / И. Демидов // Числа. – Париж, 1933. – № 9. – С. 50–67.
20. Иванов, Г. Третий Рим (отрывки из второй части романа) / Г. Иванов // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 26–54.
21. Кельберин, Л. Зеленый колокол / Л. Кельберин // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 83–87.
22. Ладинский, А. Как дым / А. Ладинский // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 43–61.
23. Одоевцева, И. Жасминовый остров (из романа) / И. Одоевцева // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 64–94.
24. Пикельный, Р. Идиллии и анекдоты / Р. Пикельный // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 67–74.
25. Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 109–137.
26. Поплавский, Б. Аполлон Безобразов (главы из романа) / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 80–107.
27. Поплавский, Б. Бал / Б. Поплавский // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 133–149.
28. Ремизов, А. Шиш еловый / А. Ремизов // Числа. – Париж, 1933. – № 9. – С. 61–78.
29. Ремизов, А. Индустриальная подкова / А. Ремизов // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 108–137.
30. Самсонов, В. Сказочная принцесса / В. Самсонов // Числа. – Париж, 1933. – № 9. – С. 88–102.
31. Сосинский, Б. Пан Станислав / Б. Сосинский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 120–128.
32. Татищев, Н. Кривой / Н. Татищев // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 150–166.

33. Фельзен, Ю. Возвращение / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 167–186.
34. Фельзен, Ю. Неравенство / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 95–116.
35. Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 75–87.
36. Фельзен, Ю. Письма о Лермонтове / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 125–140.
37. Фельзен, Ю. Счастье (роман) / Ю. Фельзен // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 88–109.
38. Часинг, Л. Операция / Л. Часинг // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 88–99.
39. Шаршун, С. Долголиков / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1930. – № 1. – С. 117–135.
40. Шаршун, С. Долголиков / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1934. – № 10. – С. 187–197.
41. Шаршун, С. «Герой интереснее романа» (из эпопеи) / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1932. – № 6. – С. 110–132.
42. Шаршун, С. Путь правый (отрывки из романа) / С. Шаршун // Числа. – Париж, 1930. – № 4. – С. 100–121.
43. Яновский, В. Записки медика / В. Яновский // Числа. – Париж, 1933. – № 7–8. – С. 149–152.
44. Яновский, В. Тринадцатые / В. Яновский // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 129–147.

Тесты для самопроверки

Вариант I

1. Одна из существенных особенностей печати русского зарубежья заключалась в том, что:

- а) в ней много места отводилось литературным изданиям;
- б) она была рассчитана на интеллигентного читателя;
- в) она была деполитизирована.

2. Журнал «Числа» выходил:

- а) в Париже в 1930–1934 годах;
- б) в Берлине в 1930–1935 годах;
- в) в Риге в 1931–1933 годах.

3. Представители какого литературного поколения стали основными авторами прозы журнала «Числа»:

- а) младшего;
- б) среднего;
- в) старшего.

4. Прозе журнала «Числа» присущи следующие особенности:

- а) большой исторический размах описываемых событий, тяготение к эпопее;
- б) многоплановость описания, многоаспектность точек зрения;
- в) описание внешнего мира только сквозь призму восприятия героя.

5. Главный герой прозы «Чисел» – это чаще всего:

- а) благополучный обыватель, оказавшийся в вихре революционных событий;
- б) представитель зарубежной элиты нового типа;
- в) русский эмигрант, не чуждый литературному труду.

6. В большинстве прозаических произведений журнала «Числа»:

- а) повествование ведется от первого лица;
- б) повествование ведется от третьего лица;
- в) используется смешанный тип повествования (от нескольких лиц).

7. В области содержания для прозы «Чисел» характерно:

- а) общее тяготение к фантастике;
- б) подчеркнуто реалистическое описание вещного мира;

в) стремление к объективности, истинности передачи душевных движений героя.

8. В творчестве авторов «Чисел» часто появляется следующий библейский образ:

- а) праотца Адама;
- б) царя Соломона;
- в) мученика Иова.

9. Для главного героя прозы «Чисел» окружающий мир предстает:

- а) уютным и добрым;
- б) чуждым и враждебным;
- в) привычным и скучным.

10. Для вещного мира прозы «Чисел» характерны следующие символические образы:

- а) дыма, пыли;
- б) пропасти, бездны;
- в) облака, тумана.

11. Главный герой прозы младоэмигрантов обычно:

- а) активно действует, преобразуя окружающий мир;
- б) погружен в мечты, вытесняющие неприглядную действительность;
- в) занят исключительно литературным трудом.

12. Если говорить о личной жизни, то главный герой прозы «Чисел» обычно:

- а) счастлив в отношениях с любимым человеком;
- б) трагически одинок;
- в) больше интересуется общественной жизнью, чем личной.

13. Своеобразную «философию любви» развивает в своей прозе один из авторов журнала «Числа»:

- а) Юрий Фельзен;
- б) Борис Поплавский;
- в) Гайто Газданов.

14. В качестве ключевой положительной характеристики персонажей прозы «Чисел» обычно выступает умение:

- а) действовать;
- б) любить;
- в) жалеть.

15. В качестве самых главных для человека чувств, способных существовать друг без друга, в прозе «Чисел» выступают:

- а) любовь и жалость;
- б) любовь и ненависть;
- в) радость и печаль.

16. Для прозы «Чисел» характерно внимание:

- а) к низкому, физиологическому;
- б) к высокому, трансцендентному;
- в) как к низкому, так и к высокому началу.

17. Тема «утраченной России» и памяти о ней в прозе молодого и среднего поколения авторов «Чисел»:

- а) полностью исчезает;
- б) остается, но отходит на второй план;
- в) становится главной.

18. На прозу младоэмигрантов оказали большое влияние такие зарубежные прозаики, как:

- а) М. Пруст и Дж. Джойс;
- б) А. Кубин и П. Адлер;
- в) Ф. Кафка и Г. Майнринк.

19. Одной из основных в разделе прозы журнала «Числа» наряду с темами любви и жалости является тема:

- а) одиночества;
- б) смерти;
- в) преобразования действительности.

20. Внимание к «пограничной ситуации» между жизнью и смертью характерно для прозы:

- а) Л. Часинга;
- б) Б. Поплавского;
- в) С. Горного.

Вариант II

1. Большинство журналов русского зарубежья существовали недолго по следующей причине:

- а) из-за нехватки финансирования;
- б) из-за нехватки литературных кадров;
- в) из-за нехватки оригинальных идей.

2. Постоянным редактором журнала «Числа» являлся:

- а) Ю. Терапиано;
- б) Н. Оцуп;
- в) Б. Прегель.

3. По жанру прозаические произведения в журнале «Числа» представляют собой:

- а) только рассказы;
- б) преимущественно рассказы и небольшие повести;
- в) преимущественно романы.

4. Прозе журнала «Числа» присущи следующие особенности:

- а) внимание к частной, личной жизни человека;
- б) акцент на внешнюю занимательность, перипетии сюжета;
- в) интерес к внутренним переживаниям героя.

5. Главный герой прозы «Чисел» чаще всего:

а) разочарован в верованиях и идеалах дореволюционной России;

- б) испытывает все тяготы эмигрантской жизни;
- в) не борется с тенденцией к деградации, духовной смерти.

6. Имя героя-повествователя прозы «Чисел» обычно:

- а) совпадает с именем автора;
- б) остается неизвестным читателю;
- в) выбирается автором произвольно.

7. Религиозно-философские искания героев прозы журнала «Числа» чаще всего приводят их к:

- а) утверждению в христианской вере;
- б) разочарованию в традиционных христианских учениях;
- в) атеизму.

8. Окружающий мир в прозе «Чисел» обычно:

- а) изображен крайне реалистично;
- б) является гротескным, фантазмагоричным;
- в) не имеет значимых особенностей.

9. Типичные отношения героя прозы «Чисел» с окружающим миром – это:

- а) разобщение, отторжение;
- б) гармония, согласие;
- в) открытый конфликт, агрессия.

10. Одним из самых характерных для прозы «Чисел» является символический образ стихии:

- а) воздуха;
- б) воды;
- в) огня.

11. Для прозы «Чисел» наиболее важен следующий тип конфликта:

- а) конфликт героя с окружающим его обществом;
- б) конфликт героя с антигероем;

в) внутренний конфликт.

12. Способом преодоления трагической разобщенности с миром и окружающими для героя прозы «Чисел» является:

- а) жалость;
- б) любовь;
- в) служение людям.

13. Герой «Писем о Лермонтове» Ю. Фельзена считает, что СССР идеологически обречен на поражение потому, что:

- а) построение бесклассового общества невозможно;
- б) советская идеология построена не на любви, а на ненависти;

в) для русского человека невозможно жить без христианского мироощущения.

14. Чувство любви в творчестве авторов «Чисел» неразрывно связано с чувством:

- а) ненависти;
- б) печали;
- в) жалости.

15. В произведениях большинства прозаиков «Чисел» мерой человечности выступает способность:

- а) ненавидеть врага;
- б) жалеть и принимать чужую жалость;
- в) предаваться самоанализу.

16. Физиологизм прозы «Чисел» связан прежде всего:

- а) со стремлением эпатировать публику;
- б) с желанием передать жизнь во всей ее полноте;
- в) и с тем, и с другим.

17. Если говорить о художественном методе, то в прозе «Чисел»:

- а) преобладает модернизм;
- б) преобладает реализм;
- в) обозначить единый художественный метод крайне сложно.

18. В прозе «Чисел» присутствует следующий тип повествования, призванный наиболее адекватно передать не внешнюю, но внутреннюю реальность:

- а) сказ;
- б) поток сознания;
- в) лирическая проза.

19. Наиболее полно мысль о несправедливости смерти выражена в прозе следующего автора «Чисел»:

- а) Л. Кельберина;
- б) Б. Поплавского;
- в) С. Горного.

20. В рассказе В. Яновского «Тринадцатые» смерть показана:

- а) как часть реальности «зарубежной России»;
- б) как желанный выход из оков действительности;
- в) как величайшая несправедливость бытия.

Ответы

	Вариант I	Вариант II
1.	а, б	а
2.	а	б
3.	а	б
4.	в	а, в
5.	в	а, б
6.	а	б
7.	в	б, в
8.	в	б
9.	б	а
10.	а, б	б
11.	б	а
12.	б	б
13.	а	б
14.	б	в
15.	а	б
16.	в	б
17.	б	а
18.	а	б
19.	б	в
20.	в	а

**Примерные темы
курсовых и выпускных квалификационных работ
по рассматриваемым темам**

1. Лирический герой и герой прозы Е. Бакуниной: сходства и различия.
2. Религиозно-философские искания героев рассказов С. Горного.
3. Синтез родов литературы в романе Б. Поплавского «Аполлон Безобразов».
4. Традиции мифа и сказки в ранней прозе И. Одоевцевой.
5. Поэтика городского пространства в рассказе В. Яновского «Тринадцатые».
6. Тема воспитания личности в ранней прозе В. Варшавского («Из записок бесстыдного молодого человека», «Уединение и праздность»).
7. Конфликт личности и общества в прозе И. Демидова.
8. Символика водного пространства в рассказах Г. Газданова.
9. Трансформация библейских образов в повести А. Букова «Была земля».
10. Эволюция образа «лишнего человека» в прозе младоэмигрантов первой волны (А. Буков, В. Варшавский, Б. Поплавский).
11. Экзистенциальные мотивы в рассказе Л. Часинга «Операция».
12. Поэтика абсурда в цикле рассказов Р. Пикельного «Идиллии и анекдоты».
13. Жанровое своеобразие прозы младоэмигрантов первой волны (на примере творчества нескольких писателей).
14. «Философия любви» в прозе Ю. Фельзена («Письма о Лермонтове», «Неравенство»).
15. Тема жалости в прозе младоэмигрантов первой волны (на примере творчества одного из выбранных авторов – А. Букова, Б. Поплавского и др.).
16. Тема смерти в прозе младоэмигрантов первой волны (на примере творчества одного из выбранных авторов – Л. Часинга, В. Яновского и др.).
17. Тема духовной смерти в прозе младоэмигрантов первой

волны (на примере творчества одного из выбранных авторов – А. Алферова, Е. Бакуниной и др.).

18. Пол и гендер персонажей прозы Е. Бакуниной: специфика трансформации.

19. Система двойничества в романе Е. Бакуниной «Тело».

20. Типы повествования в прозе С. Шаршуна.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

I. Книги воспоминаний, дневники, письма

1. «Мы с Вами очень разные люди»: письма Г. В. Адамовича А. П. Бурову (1933–1938) / Публикация О. А. Коростелева // Диаспора: Новые материалы. – Париж ; СПб. : Athenaeum-Феникс, 2007. – Вып. IX. – С. 325–354.
2. Бахрах, А. По памяти, по записям. Литературные портреты / А. Бахрах. – Париж : La presse libre, 1980. – 206 с.
3. Берберова, Н. Курсив мой : автобиография / Н. Берберова. – Мюнхен : Wilhelm Fink Verlag, 1972. – 710 с.
4. Бунин, И. А. Дань прошлому / И. А. Бунин. – Нью-Йорк : изд-во имени Чехова, 1954. – 410 с.
5. Варшавский, В. С. Незамеченное поколение / В. С. Варшавский. – Нью-Йорк : изд-во имени Чехова, 1956. – 387 с.
6. Вишняк, М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора / М. В. Вишняк. – Блумингтон : Indiana University, 1957. – 334 с.
7. Гессен, И. В. Годы изгнания: жизненный отчет / И. В. Гессен. – Париж : Ymca-Press, 1979. – 268 с.
8. Гиппиус, З. Н. Дневники : в 2-х т. / З. Н. Гиппиус. – М. : Интелвак, 1999.
9. Гиппиус, З. Н. Письма к Берберовой и Ходасевичу / З. Н. Гиппиус. – Ann Arbor : Ardis, 1978. – 120 с.
10. Глэд, Д. Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье / Д. Глэд. – М. : Книжная палата, 1991. – 320 с.
11. Гольденвейзер, А. Б. Вблизи Толстого / А. Б. Гольденвейзер. – М. : Гослитиздат, 1959. – 467 с.
12. Гуль, Р. Б. Я унес Россию: Россия во Франции / Р. Б. Гуль. – Нью-Йорк : Мост, 1984. – 352 с.
13. Иваницкая, С. Л. О русских парижанах. «Сколько их, этих собственных лиц моих»? / С. Л. Иваницкая. – М. : Эллис Лак, 2006. – 480 с.
14. Одоевцева, И. В. На берегах Сены / И. В. Одоевцева. – Париж : La presse libre, 1983. – 528 с.
15. Оцуп, Н. Современники / Н. Оцуп. – Париж : Imprimerie Cooperative Étoile, 1961. – 238 с.

16. Померанцев, К. Д. Сквозь смерть / К. Д. Померанцев. – Лондон : Overseas publishing interchange, 1986. – 192 с.
17. Поплавский, Б. Ю. Неизданное: дневники, статьи, стихи, письма / сост. и ком. А. Богословского и Е. Менегальдо / Б. Ю. Поплавский. – М. : Христианское издательство, 1996. – 426 с.
18. Седых, А. Далекие, близкие / А. Седых. – М. : Моск. рабочий, 1995. – 320 с.
19. Терапиано, Ю. В. Встречи / Ю. В. Терапиано. – Нью-Йорк : изд-во имени Чехова, 1953. – 209 с.
20. Терапиано, Ю. В. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974) : эссе, воспоминания, статьи / Ю. В. Терапиано. – Париж ; Нью-Йорк : Альбатрос, Третья волна, 1987. – 352 с.
21. Ходасевич, В. Литературные статьи и воспоминания / В. Ходасевич. – Нью-Йорк : изд-во имени Чехова, 1954. – 414 с.
22. Шаховская, З. Таков мой век / пер. с фр. Е. Турнянской и П. Виричева / З. Шаховская. – М. : Русский путь, 2006. – 680 с.
23. Шаховская, З. Отражения / З. Шаховская. – Париж : Ymca-Press, 1975. – 280 с.
24. Чиннов, И. Собрание сочинений : в 2-х т. – Т. 2 : Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. – М. : Согласие, 2000. – 82 с.
25. Яновский, В. С. Поля Елисейские: Книга памяти / В. С. Яновский. – Нью-Йорк : Серебряный век, 1983. – 312 с.

II. Исследовательская литература

1. Агеносов, В. В. История литературы русского зарубежья. Первая волна : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. – М. : изд-во «Юрайт», 2019. – 365 с.
2. Агеносов, В. В. Литература русского зарубежья (1918–1990) / В. В. Агеносов. – М. : Терра, Спорт, 1998. – 544 с.
3. Адамович, Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру / Г. Адамович. – Париж : Imprimerie de Navarre, 1961. – 20 с.
4. Адамович, Г. Одиночество и свобода / Г. Адамович. – Нью-Йорк : изд-во имени Чехова, 1955. – 318 с.
5. Азаров, Ю. А. Диалог поверх барьеров / Ю. Азаров. – М. : Совпадение, 2005. – 335 с.
6. Амфитеатров, А. Литература в изгнании: публичная лекция, прочитанная в Миланском филологическом обществе /

А. Амфитеатров. – Белград : Новое время, 1929. – 58 с.

7. Барковская, Н. В. Литература русского зарубежья (первая волна) : учеб. пособие / Н. В. Барковская. – Екатеринбург : изд-во АМБ, 2001 – 155 с.

8. Беляев, А. А. Идеологическая борьба и литература. Критический анализ американской советологии / А. А. Беляев. – М. : Художественная литература, 1988. – 446 с.

9. Бем, А. Л. Письма о литературе / А. Л. Бем. – Прага : Slovanskí ústav ; Euroslavica, 1996. – 366 с.

10. Беседы о русской зарубежной литературе. – Париж, 1967. – 46 с.

11. Блищ, Н. Л. История литературы русского зарубежья: проза и поэзия первой волны : учеб.-метод. пособие / Н. Л. Блищ. – Минск, 2017. – 143 с.

12. Больнов, О. Отто Фридрих. Философия экзистенциализма: философия существования / О. Больнов. – СПб. : Лань, 1999. – 222 с.

13. Возвращение Гайто Газданова: научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения / сост. М. А. Васильева. – М. : Русский путь, 2000. – 308 с.

14. Газданов и мировая культура : сборник статей / ред. и сост. Л. В. Сыроватко. – Калининград : ГП «КГТ», 2000. – 238 с.

15. Гайто Газданов в контексте русской и европейской культуры : сборник научных статей / ред. и сост. А. Г. Черчесов. – Владикавказ : Владикав. книж. изд-во, 1999. – 220 с.

16. Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур : сборник научных трудов ИНИОН РАН: Центр гуманитарных научно-информационных исследований (отдел литературоведения). Библиотека-фонд «Русское зарубежье» / сост.: Т. Н. Красавченко (отв. ред.), М. А. Васильева, Ф. Х. Хадонова. – М. : ИНИОН РАН, 2005. – 344 с.

17. Гапеевкова, М. Ю. Трагизм мироощущения в эмигрантской поэзии Георгия Иванова : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / М. Ю. Гапеевкова. – Нижний Новгород, 2006. – 184 с.

18. Горбунова, А. И. Литературная критика на страницах журналов и газет «Русского Парижа» 1920–1930-х годов : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / А. И. Горбунова. – Саранск, 2004. – 211 с.

19. Диенеш, Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / пер. с англ. / Л. Диенеш. – Владикавказ : изд-во Северо-Осетинского

ин-та гуманитар. исследований, 1995. – 304 с.

20. Жулькова, К. А. Литературная критика парижского журнала «Современные записки», 1920–1940: Проблемы литературно-критического процесса : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / К. А. Жулькова. – М., 2001. – 202 с.

21. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков : учеб. пособие / под ред. Г. В. Жиркова. – СПб. : изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003. – 320 с.

22. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий : учеб. пособие для студ., аспирант., преподав.-филол. – М. : Флинта, 2002. – 304 с.

23. Карпов, А. С. На чужбине: Очерки по истории литературы русского зарубежья / А. С. Карпов. – М. : РУДН, 2007. – 313 с.

24. Каспэ, И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы / И. Каспэ. – М. : НЛО, 2005. – 320 с.

25. Ковалевский, П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П. Е. Ковалевский. – Париж : Librairie des cinq continents, 1971. – 347 с.

26. Коссак, Е. Экзистенциализм в философии и литературе / Е. Коссак ; пер. с польск. – М. : Политиздат, 1980. – 360 с.

27. Кодзис, Б. Литературные центры русского зарубежья. 1918–1939 / Б. Кодзис. – Мюнхен : Sagner, 2002. – 318 с.

28. Костиков, В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции / В. Костиков. – М. : Международные отношения, 1994. – 528 с.

29. Крейд, В. П. Георгий Иванов / В. П. Крейд. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 430 с.

30. Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940 / РАН ; под общ. ред.: Е. П. Челышева, Д. М. Шаховского. – М. : Наследие, 1994. – 520 с.

31. Лебедева, С. Э. Основные направления литературной полемики русского зарубежья первой волны и их отражение в журнале «Современные записки» : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / С. Э. Лебедева. – М., 2007. – 246 с.

32. Летаева, Н. В. Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа» : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Н. В. Летаева. – М., 2003. – 180 с.

33. Литература русского зарубежья (1920–1940) : учебник

для высших учебных заведений Российской Федерации / отв. ред. : Б. В. Аверин, Н. А. Карпов, С. Д. Титаренко / учеб.-метод. комплекс по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)». – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 848 с.

34. Литература русского зарубежья (1920–1990) : учеб. пособие / под ред. А. И. Смирновой. – М. : Флинта, Наука, 2006. – 638 с.

35. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / отв. ред. О. Н. Михайлов. – Вып. 1. – М. : Наследие ; Наука, 1993. – 332 с.

36. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / отв. ред. О. Н. Михайлов. – Вып. 2. – М. : ИМЛИ ; Наследие, 1999. – 328 с.

37. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / отв. ред. О. Н. Михайлов. – Вып. 3. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 590 с.

38. Литература русского зарубежья : учеб.-метод. пособие для студ.-филол. / сост. Л. Х. Насрутдинова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2007. – 72 с.

39. Любимов, Л. Д. На чужбине / Л. Д. Любимов. – Ташкент : Узбекистан, 1965. – 414 с.

40. Матвеева, Ю. В. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века : учеб.-метод. пособие / Ю. В. Матвеева. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2017. – 92 с.

41. Менегальдо, Е. Поэтическая Вселенная Бориса Поплавского / Е. Менегальдо. – СПб. : Алетейя, 2007. – 268 с.

42. Менегальдо, Е. Русские в Париже. 1919–1939. – 2-е изд., доп. рис. Алексея Ремизова «Из Достоевского» / Е. Менегальдо ; пер. с фр. Натальи Поповой, Игоря Попова. – М. : Кстати, 2007. – 288 с. ; ил.

43. Мескин, В. А. История русской литературы XX–XXI веков : учебник и практикум / В. А. Мескин. – М. : Юрайт, 2019. – 414 с.

44. Мережковский, Д. С. М. Ю. Лермонтов поэт сверхчеловечества / Д. С. Мережковский. – СПб. : Пантеон, 1909. – 88 с.

45. Мышалова, Д. В. Очерки по литературе русского зарубежья / Д. В. Мышалова. – Новосибирск : ЦЭРИС ; Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 223 с.

46. Назаров, М. В. Миссия русской эмиграции / М. В. Назаров. – М. : Родина, 1994. – 416 с.

47. Носик, Б. Литературные и агентурные истории русского Парижа / Б. Носик. – М. : Радуга, 2004. – 328 с.

48. Оцуп, Н. А. Литературные очерки / Н. А. Оцуп. – Париж : Imprimerie Cooperative Étoile, 1961. – 270 с.

49. Пархоменко, Т. А. Культурное наследие русского зарубе-

жья в диалоге цивилизаций XV–начала XX века / Т. А. Пархоменко. – М. : Институт наследия, 2019. – 336 с. ; ил.

50. Раев, М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. И. Раев. – М. : Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.

51. Ратников, К. В. Эволюция поэтического творчества Н. А. Оцупа : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / К. В. Ратников. – Челябинск, 1998. – 174 с.

52. Русский исход / отв. ред. Е. М. Миронова. – СПб. : Алетейя, 2004. – 320 с.

53. Русский Париж / сост., предисл. и ком. Т. П. Буслаковой. – М. : МГУ, 1998. – 528 с.

54. Семенова, Т. О. Система повествования Г. И. Газданова : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Т. О. Семенова. – СПб., 2001. – 220 с.

55. Современное русское зарубежье. – М. : Олимп ; АСТ, 1998. – 528 с.

56. Соколов, А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов / А. Г. Соколов. – М. : изд-во МГУ, 1991. – 184 с.

57. Струве, Г. П. Русская литература в изгнании. – 3-е изд., испр. и доп. // Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья. – Париж : Ymca-Press ; М. : Русский путь, 1996.

58. Тхоржевский, И. И. Русская литература : в 2-х т. / И. И. Тхоржевский. – Париж : Возрождение, 1946.

59. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / сост., вст. ст. и ком. М. Д. Филина. – М. : Русский миръ, 1999. – 288 с. ; ил.

60. Ходасевич, В. Ф. Колеблемый треножник: избранное / В. Ф. Ходасевич. – М. : Сов. писатель, 1991. – 886 с.

61. Чагин, А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века / А. И. Чагин. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – 600 с.

62. Чагин, А. И. Расколотая лира (Россия и зарубежье: судьбы русской поэзии в 1920–1930-е годы) / А. И. Чагин. – М. : Наследие, 1998. – 272 с.

III. Справочная литература

1. Алексеев, А. Д. Литература русского зарубежья: Книги. 1917–1940 / А. Д. Алексеев. – СПб. : Наука, 1993. – 200 с.

2. Вильданова, Р. И. Краткий биографический словарь рус-

ского зарубежья // Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья. – Париж : Ymca-Press ; М. : Русский путь, 1996. – 448 с.

3. Газеты русской эмиграции в фондах отдела литературы русского зарубежья в РГБ. – М. : РОССПЭН, 1994. – 132 с.

4. Грановская, Л. М. Русская эмиграция о русском языке : аннотир. библиог. указатель, 1918–1992 / Л. М. Грановская. – М. : Азъ, 1993. – 98 с.

5. Казак, В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года ; пер. с нем. Елены Варгафтик и Игоря Бурихина / В. Казак. – Лондон : Overseas publications interchange Ltd., 1988. – 922 с.

6. Литература русского зарубежья возвращается на родину : выборочный указатель публикаций 1986–1990 / сост. В. Т. Данченко и др. – М. : ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 1993. – Ч. 1–2.

7. Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940 / гл. ред. А. Н. Николюкин. – Т. 1 : Писатели русского зарубежья. – М. : РОССПЭН, 1997. – 512 с.

8. Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940 / гл. ред. А. Н. Николюкин. – Т. 2 : Периодика и литературные центры. – М. : РОССПЭН, 2000. – 640 с.

9. Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940 / гл. ред. А. Н. Николюкин. – Т. 4 : Всемирная литература и русское зарубежье. – М. : РОССПЭН, 2006. – 544 с.

10. Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы. – М. : ГПИБ, 1991.

11. Русская эмиграция: журналы и сборники на русском языке (1920–1980) : сводный указатель статей / под ред. : Т. Л. Гладковой, Т. А. Осоргиной. – Париж : Institut D'Etudes Slaves, 1988.

12. Русское зарубежье: золотая книга эмиграции: первая треть XX века : энциклоп. биограф. словарь / под общ. ред. В. В. Шелохаева. – М. : РОССПЭН, 1994.

13. Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / под общ. ред. Л. А. Мнухина. – Т. 1–4. – М. : ЭКСМО ; Париж : Ymca-Press, 1995.

14. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1919–1996) / сост.: А. И. Бардеева, Э. А. Брянкина, В. П. Шумова. – М. : РГБ, 1999.

15. Сводный каталог русских периодических и продолжа-

ющихся изданий русского зарубежья в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995) / сост. Г. В. Михеева. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 1996.

16. Словарь поэтов русского зарубежья. – СПб. : РХГУ, 1999. – 318 с.

17. 106 литературных имен русского зарубежья : Библиографический указатель / сост. Е. Н. Бычкова. – М. : Гос. публ. ист. б-ка, 1992.

18. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 годы. – Мюнхен : изд-во Ин-та по изучению истории и культуры СССР, 1953.

19. Фостер, Л. А. Библиография русской зарубежной литературы 1916–1968 : в 2-х т. – Бостон : G.K. Hall & Co, 1970.

20. Шмаглит, Р. Г. Русское зарубежье в XX веке. 800 биографий / Р. Г. Шмаглит. – М. : АСТ, Зебра Е, 2007. – 254, [2] с.

21. Штейн, Э. Поэзия русского зарубежья в библиотеке Эммануила Штейна / Э. Штейн. – Орендж : Antiquary, 2000.

22. Штейн, Э. Поэзия русского рассеяния, 1920–1977 / Э. Штейн. – Нью-Йорк : Ладья, 1978. – 182 с.

23. Энциклопедия литературных героев: русская литература XX века. – М. : Олимп, ООО «Фирма издательства АСТ», 1998. – 432 с.

Учебное издание

ЗИНОВЬЕВА Наталья Васильевна

**ПРОЗА МЛАДОЭМИГРАНТОВ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ЧИСЛА»**

Учебное пособие

Корректор В. А. Яковлева.

Верстка Ю. В. Стенина.

Подписано в печать 11.06.2021.

Бумага «Е-BRITE». Гарнитура «Myriad Pro».

Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Объем 5,6 усл. п. л.

Тираж 100 экз. (1-й завод 1–100 экз.). Заказ № 503-21

Сахалинский государственный университет.
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел./ факс (4242) 45-23-16, e-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru,
polygraph@sakhgu.ru